

Георгий ЛОПАТИН

МУШКЕТЁР

Георгий Васильевич Лопатин

Мушкетёр

Серия «Мушкетёр», книга 1

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74270351*

Аннотация

Андрей попадает во времена правления Павла Первого и становится рекрутом, вот только служить и становиться обычным пушечным мясом принимая на грудь почти в упор вражеский свинец ему совсем не охота. Так что он решает «сделать ноги» из армии...

Содержит нецензурную лексику.

Содержание

Пролог	4
1	11
2	18
3	23
4	31
5	39
6	45
7	51
8	57
9	64
10	73
11	80
12	88
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Георгий Лопатин

Мушкетёр

Пролог

Как говорится, ничто не предвещало беды. Собаки тоскливо не выли под окном на Луну, черные кошки под самым носом дорогу не перебежали, ноги никто в автобусе не оттапывал, птички не бомбардировали макушку, сны не то, что вещие, а просто плохие не снились, смутных в своей неопределенности предчувствий тоже никаких не возникло. В общем по нулям. Все было, как всегда. Подъем, завтрак, прочие дела... дорога на работу и выезд с бригадой электриков на аварийные участки.

В тот злополучный день, недалеко от города, всего в десяти минутах езды, в чистом поле произошел очередной обрыв линии электропередачи. Все дело в прошедшей ночной августовской грозе, сверкало и грохотало знатно, вот молнией и перебило провода. Хорошо хоть столбы бетонные и не погорели опоры, а то совсем морока была бы. Собственно говоря, раньше горели и часто, пока не заменили...

Дело в том, что здесь когда-то было болото, его в советские времена осушили избавив город от комарья, но болото было не простое, нет, не золотое... и чудища там не обита-

ли, просто железная руда там имелаась, чуть да маленько, но этого хватало чтобы в грозу местность оказывалась сильно намагничена и как результат, молнии частенько бьют в это поле. Тут даже не сеют ничего, обязательно сгорит урожай во время очередной грозы. Но траву убирают – сенокос для ближайшей деревни, потому больших пожаров не случается.

Короче провода на этом участке восстанавливали регулярно. Андрей Градов сам сюда пару раз уже наведывался. Давно следовало переместить ЛЭП в сторону, всего на каких-то жалких километр-полтора, но разве у нас что-то делается в угоду людям? Это же какие деньги надо вложить в перенос! Восстанавливать обрывы дешевле. Ведь если подумать, то что мешало сразу переместить, когда деревянные опоры меняли на бетонные?! Сие нам неведомо и люди время от времени остаются без света, а то и техника горит. Разве что с ремонта обрывов можно регулярно малую денежку себе в карман откладывать...

– Камень, ножницы, бумага? – предложил Михаил – напарник Андрея.

– Давай, – согласился Градов.

– Раз, два, три!

Андрей показал два пальца, сиречь «ножницы», а Михаил – кулак, то бишь «камень».

– Эх... – вздохнул Андрей и стал взбираться в «гнездо» подъемника. Не любил он это дело, как и Михаил, вот и разыгрывали, кому лезть.

Но не успел Градов приступить к работе, как в небе, по впечатлению прямо над головой, громыхнуло и ослепительно сверкнула молния ударив в злополучный столб, так что брызнули искры.

– Вот же...

Градов инстинктивно пригнувшийся в момент раската грома, стал медленно выпрямляться.

Иногда такое случается.

«И ведь облаков почти нет», – подумалось Градову.

Тут он услышал панический вскрик напарника:

– Андрюха, замри!

– Что?!

Михаил показал рукой чуть в сторону. А там...

– Елочки пушистые!

Андрей увидел, как метрах в двадцати в воздухе завис шар плазмы, классическая шаровая молния, что начала медленно двигаться в их сторону переливалась с ярко белого до оранжевого цвета! При этом расти в размерах.

Градов никогда раньше не наблюдал подобное явление природы вживую, но моментально узнал, как только увидел этот плазменный шар. Его дыхание тут же сбилось, сердце сбойнуло пропустив удар, в общем душа натурально свалила в пятки. Опаснейшее ведь явление.

Андрей сразу же вспомнил все слухи о непредсказуемом поведении этого феномена своим существованием опровергавшего все законы физики.

Говорят, что при встрече с этим плазмойдом, лучше всего не делать резких движений. А еще лучше замереть и не отсвечивать, глядишь и пронесет... и даже если пронесет в уже несколько пошлом смысле, считай, что легко отделался, все не куру гриль из себя изображать. А то есть у плазмойда какая-то сверхъестественная чувствительность, даже какая-то агрессивность к движению... сродни разумности... присущая бешеному зверю.

Вот напарники и замерли. Точнее Андрей застыл как памятник, а Михаил сразу юркнул в машину и закрыл все окна. Хотя Градов слышал, что стекло не всегда преграда для этого плазмойда.

Вообще феномен шаровой молнии уникален. Ей словно не подвластны законы гравитации, как хочет, так и летает, хоть по ветру, хоть против ветра, вверх и вниз. Этому плазмойду даже законы пространства не писаны. Потому и может телепортироваться сквозь стекло, никак его не повредив. А еще известен случай когда шаровая молния забросила автомобильную крышку на дерево. И не просто забросила, а разместила ее среди ветвей так, что никак не снять, как если крышку повесили на ствол, а потом дерево двадцать лет росло дав мощные ветви...

Чудеса, да и только. Ну лучше бы этих чудес не видеть никогда. Очень уж страшно, до дрожи в коленках и недержания мочевого пузыря.

В общем, сидя на самом верху опоры ЛЭП, Андрей мно-

го чего успел вспомнить про природу шаровой молнии и ее странностях.

Не зря, нобелевский лауреат Капица как-то сказал, что будь у него возможность прожить еще одну жизнь, то он посвятил бы ее изучению именно шаровой молнии.

«Лучше попасть под удар классической ветвистой грозовой молнии, – подумал Градов в тихой панике. – Шансов пятьдесят на пятьдесят, да еще говорят в паре-тройке процента случаев, у выживших открываются паранормальные способности. Кто видит сквозь предметы, точно открылось рентгеновское зрение, кто ауры различает с возможностью лечения, у кого память становится абсолютной, кто еще чего... Но не в случае с шаровой молнией. Она тупо убивает, зажаривая до хрустящей корочки. Без вариантов».

В общем, явление шаровой молнии оказалось столь загадочным, что иные чудики не от мира сего, вообще приписывают сему явлению разумность и дошло даже до того, что считают этот шар плазмы элементом или духом огня.

«Какая, однако, бредовая чушь в голову лезет», – удивленно подумал Андрей, мысленно сплюнув и затаив дыхание, продолжил наблюдать за парением сияющего шарика.

А шаровая молния все скользила над землей, выписывая зигзаги, то ускоряясь, то замедляясь, то меняя высоту полета, то вовсе замирая, так что иной раз действительно закрадывалась мысль в разумности этого плазменного сгустка, только какого-то... детского, игривого и любопытного.

И вот любопытство шаровой молнии распространилось на опоры ЛЭП, а точнее все еще лежащий на земле провод. Сгусток плазмы остановился, словно принялся, а потом стал взлетать точно над проводом, едва не касаясь его, словно провод стал своеобразной лестницей.

«Ну же, лети дальше, – взмолился Градов. – Лети... Лети! Брысь отсюда!!!»

Добравшись до вершины соседнего столба, плазмод застыл на месте словно раздумывая над чем-то, а потом двинулся по уже восстановленной линии к электрику.

«Твою же!» – взвыл он в мыслях и даже дышать перестал.

Андрей еще заметил странную частую пульсацию плазмоида сопровождающуюся цветовыми переливами, и до него в какой-то момент дошло, что шаровая молния пульсирует в такт частому биению его сердца!

Не выдержав нервного напряжения, уж очень близко подлетел сильно разросшийся плазмод, Градов, не помня себя от паники попытался выпрыгнуть из корзины, уж лучше сломать себе ноги, чем зажариться...

Но не тут-то оно было! Шаровая молния ярко, словно гневно, вспыхнув кроваво-красным цветом, и рывком увеличившись в размерах до двух метров в диаметре, точно бешеная собака кинулась к беглецу, перехватив свою жертву на полпути к земле и заключив ее в свое нутро, а потом... в небе еще раз оглушительно прогремело и сверкнула новая молния попав точно в шаровую товарку, что породило осле-

пительную вспышку словно от взрыва свето-шумовой гранаты.

Наблюдавший за всем этим напарник Градова, после того как проморгался и вылез из кабины, убедившись, что опасности больше нет, стал лишь недоуменно озираться по сторонам, то и дело повторяя:

– А где Андрюха... вы куда дели Андрюху, сволочи?..

От его напарника не осталось и следа, ни тела, ни даже пепла...

Андрей Градов успел попрощаться с жизнью, когда понял, что его маневр не удался и он оказался внутри обжигающей плазменной сферы. Впрочем, вспышка обжигающей боли, причем обожгло как снаружи, так и изнутри, длилась лишь мгновение, а потом... что-то произошло и... он снова ощутил, что падает после мгновения-вечности невесомости, но вопреки ожиданиям приземление оказалось не жестким, а вполне себе мягким, даже слишком.

Чвак... раздался чавкающий звук и Андрей осознал, что погрузился в вязкую жижу по самую грудь. Лицо так же обдало липкой жижей, а еще через мгновение подключилось обоняние, что позволило ощутить весь спектр болотной вони.

– Что за черт?.. – изумлено пробормотал он и осторожно открыл глаза, удивляясь тому, что они на месте, да и веки целы.

Удивлялся сему факту потому, что в момент падения, когда оказался внутри шаровой молнии был точно уверен, что жар плазменной сферы в одно мгновение сжег ему весь кожный покров, по крайней мере, на лице точно. Как и носоглотку с легкими. Но нет, он видит и даже дышит без проблем.

«Слухи о стопроцентной смертоносности шаровых молний оказались несколько неверными...» – с облегчением и

радостью подумал он, осознав наконец что жив.

– Чудеса...

И непонятно к чему больше относилось это понятие, к тому, что он остался жив и даже не пострадал, или же к окружающему его пейзажу. А вокруг, насколько хватало взора раскинулось классическое болото с топиями и зарослями каких-то кустарников типа тальника или ивы, а также чахлыми с кривыми стволами березовыми рощицами на возвышениях.

– И где это я?.. Куда меня эта чертова молния занесла?..

Тут он заметил у горизонта легко узнаваемую цепь холмов. Создавалось впечатление, что какое-то чудовище вынырнуло из глубин болот и снова нырнуло, показав на поверхности свою спину. Сейчас эта «спина» была покрыта лесом и потому Андрей не сразу опознал ориентир.

– Или... в когда... – пробормотал он оторопело.

Лес, не осушенное болото... в общем все наводило на крайне неприятные мысли.

Но от их «переваривания» пришлось отвлечься.

– Уж лучше бы ноги сломал... и остался бы дома... – подумал он вслух, осознав, что его понемногу засасывает трясина.

Еще мелькнула мысль, что было бы крайне досадно выжить после того, что с ним произошло и возможно попав в прошлое, ну или в будущее (вдруг снова все заболотилось и заросло) утонуть в вонючей болотной жиже.

Андрей начал осторожно перебирать руками в попытке нащупать точку опоры, помня, что резко дергаться в таком положении нельзя, но руки проваливались сквозь жижу.

– Чтобы потом, через сотни лет, после осушения болота мою мумифицировавшуюся тушку нашли и сильно удивились современным зубным протезам и пломбам... Тьфу...

Сплюнув попавшую в рот жижу, Градов невольно провел языком по зубам и... не обнаружил пломб, как и дорогуших протезов. Это заставило его на несколько мгновений замереть. Зубы оказались целыми и все на месте.

Захотелось обследовать свое тело более тщательно на предмет наличия старых шрамов, от того же аппендицита, ну и так по мелочи – остались ли наколки – ошибки молодости, когда стало модно лепить на себя всякие иероглифы да прочую муть, чтобы подтвердить возникшую у него теорию, что его не просто загадочным образом перебросило во времени, но еще и обновило, по сути, пересобрало, только в идеальном состоянии, так сказать в «нулевом» варианте.

– Интересно... даже радостно... но все потом, главное – выбраться...

Градов снова начал перебирать руками в попытке выплыть, но все что он смог добиться, так это остановки дальнейшего погружения. Вот только это не только не радовало, скорее удручало, так как силы на сохранение нынешней позиции стремительно уходили. Подступила паника.

– Люди!!! Помогите!!! – закричал он.

Впрочем, быстро прекратил это бесполезное занятие. Во-первых, людей поблизости не наблюдалось, во-вторых, они до него не доберутся, в-третьих, крик лишь отнимал и без того подходящие к концу силы.

Но верно говорят: захочешь жить – еще не так раскорячишься.

Жажда жизни, заставила Андрея экспериментировать. Он вспомнил о своей одежде. Шаровая молния ее к некоторому удивлению не сильно попортила. По крайней мере он порадовался, что облачился для работы не в легкую курточку, а в хороший брезентовый плащ, такой не продует, и не промочит.

Снять его оказалось непросто, более того, эти попытки привели к тому, что Андрей погрузился в жижу по подбородок, а последнее движение, когда он снова начал одевать плащ на руки, но так, чтобы перед ним образовалась тканевая поверхность и вовсе утонул по самые брови, но первая же попытка выбраться оказалась на редкость удачной, он вскинул руки вверх и когда плюхнул их в жижу, то под брезентом оказался значительный воздушный пузырь, что удержал его от дальнейшего погружения, а потом и вовсе позволил чуть приподняться над поверхностью.

– Тьфу... тьфу... Так-то лучше... Погнали!

Погнать не вышло, тем не менее медленно, но верно Градов стал передвигаться по болотной жиже в сторону ближайшего островка с тальниковыми зарослями.

Успешные действия придали ему сил, так что на морально-волевых он к закату, преодолев около сотни метров, добрался до зарослей и рухнул без сил. Их не осталось даже чтобы порадоваться. К тому же просто зверски хотелось пить.

Отлежавшись, Андрей почувствовал холод, его зазнобило и он стал копаться в карманах в поиске зажигалки. В этот момент он даже порадовался, что является курящим. Правда в последние годы пытался множество раз бросить эту пагубную привычку, что изрядно подорвало его здоровье, но без особого успеха.

Зажигалка нашлась в кармане, причем это была не китайская дешевка, что сейчас скорее всего просто не сработала бы, а хорошее изделие с откидным колпачком. Подарок на день рождения.

Наломав дров, Градов развел костер и стал скидывать с себя одежду пропитанную болотной грязью.

– Ах вы ж мать вашу! – вскричал он, обнаружив на себе множество успевших присосаться пиявок и начал их отди- рать с отвращением на лице и мстительно бросать в костер. – Так вам сволочи, а не комиссарской крови!

Избавившись от мерзких тварей, Градов, стоя в дыму, чтобы его не сожрали другие кровососущие твари, на этот раз летающие, тщательно обтерся травой.

Подступил голод и не найдя ничего мясного, вроде тех же лягушек, принялся собирать рогоз, росший вокруг островка в великом множестве, чьи стебли и корни вполне себе съе-

добны, а если еще и приготовить в огне, то даже где-то и вкусны.

– И судя по их спелости, на дворе месяц август...

После позднего ужина, что лишь слегка перебил чувство голода и жажды, Градов провел ревизию своего имущества. Телефон после купания приказал долго жить, так же из прямых потерь стали кроссовки, что соскользнули с ног и остались где-то в толще болотной жижи. Деньги и документы размокли, осталась только металлическая мелочь. Часы не носил используя все тот же телефон для определения времени.

– Вот только если я попал, то светить всем этим не стоит...

Андрей прикопал все что могло его выдать столь явственно. Лишние вопросы ему были совсем ни к чему. Осталось разобраться с одеждой. Но она на его взгляд являлась обычной. Черные джинсы, особенно после купания выглядели затрапезно, плюс сказалось воздействие плазмы, так что их изрядно пожгло и им больше подходил эпитет лохмотья. Рубашка тоже ничего выдающегося, ну и старый классический свитер тоже не привлекал внимания, обычный серый без рисунков.

Осмотр себя в свете костра дало Андрею понять, что он не только пересобрался в идеальном состоянии, но и судя по всему помолодел. Отражение в полированных поверхности зажигалки подтверждало этот вывод.

– Ну что же, хорошая компенсация за попадалово – сбро-

сидеть двадцать лет, плюс идеальное здоровье... осталось только понять, в когда же меня забросило?... ну и не сдохнуть по глупости.

Но что-то подсказывало, это не эпоха динозавров и тому подобные времена. И это радовало. В противном случае можно было сразу топиться в болоте.

– В идеале, наверное, в каменный век попасть... – пофантазировал он с мечтательным оттенком. – Самое беспроblemное в социальном плане время... можно самому творить историю. Хотя, конечно, и в этом периоде есть свои негативные нюансы...

Посмотрев на небо, благо оно оказалось чистым от облаков, Градов без проблем отыскал Большую медведицу и понял, что если и угодил в прошлое, то в относительно недавние времена, потому как конфигурация звезд на его взгляд ничем не отличалась от привычной ему, а как он слышал, данное созвездие в этом плане одно из самых изменчивых и в том же Каменном веке мало чем напоминало нынешнюю форму.

– Ладно... чего гадать? Выйду к людям и определюсь с датой... Только бы не в сорок первый...

Ночь прошла непросто. Тучи комаров вились над Андреем Градовым, готовые в любой момент спикировать, чтобы облепить его и высушить до последней капли крови, так что пришлось ему организовать фактически круговой костер. Это отгоняло насекомых и давало тепло, но одно плохо, дров требовалось много, так что приходилось часто за ними бегать. А поскольку из инструментов только собственные руки, то наломать их быстро в достаточном количестве получалось не быстро и тут уж комары не зевали. В общем покусали изрядно и Градов к утру, когда наконец одежда подсохла, страшно чесался.

Поскольку спалось плохо, да и как-то не сильно хотелось, то к утру Андрей сплел болотоступы из веток и коры тальника. С рассветом обзавелся шестом метра четыре длиной, и позавтракав все тем же рогозом, стал определяться с направлением движения.

– В город или в сторону поселка?

До поселка было ближе, но оставался вопрос, а есть ли этот поселок в природе? Этого он не знал.

– Если уж на то пошло, то не факт, что и город существует...

Так что направился в сторону поселка, в конце концов это просто ближе и путь выглядел перспективнее в том плане,

что до следующего островка с растительностью идти ближе если двигаться в ту сторону.

Тщательно проверяя маршрут шестом, Градов плелся через болото от островка к островку. Иногда приходилось выписывать изрядные петли, чтобы найти относительно твердую почву и снова не провалиться в трясину.

Впрочем, все меры предосторожности все же не спасали его от купаний в болотной жиже. То кочка казавшаяся надежной таковой не являлась и ступив на нее Градов проваливался по пояс, то банально приходилось класть натуральную гать из веток, обламывая их от берез и тальника, бросая получившиеся фашины там, где не мог найти относительно безопасного пути и ползти по ним как червяк, окончательно добывая одежду, особенно пострадали штаны обзаведшиеся «модными» дырами.

Как бы там ни было, но к вечеру Андрей Градов все же добрался до края болота и даже вышел к речке-вонючке, что в числе прочих питала его. В будущем русло этой речки, как и других изменили, отведя в сторону.

– Болотник! Болотник!!! – раздались панические детские голоса. – А-а-а!!! Бежим!!! Спасайся!!!

Из ближайшей рощи, побросав всякие лукошки и корзинки, с воплями ужаса бросились прочь дети в количестве десяти-пятнадцати особей обоего пола и такого же возраста, только пятки сверкали.

Посмотрев на брошенные котомки Андрей увидел, что

дети собирали грибы и малину и набрали изрядное количество, что неудивительно, если они занимались сим собирательством целый день.

Градов решил немного привести себя в порядок прежде, чем соваться к людям, ведь известно, что встречают по одежке, хотя бы просто простирнуть вещи, благо речка под рукой. Вновь развел костер, а из брошенной детской добычи набрал сыроежек, коих судя по названию теоретически можно есть сырыми, но лучше все же приготовить, хотя бы запечь над углями насадив на прутики. Ну и малиной не побрезговал, чтобы просто утолить жажду ее соком, пить из реки он не собирался.

Глядя в огонь и отмахиваясь веткой от комаров и прочих слепней, Градов пытался продумать для хроноаборигенов свою легенду: кто он, откуда и чего тут делает. Получалось откровенно плохо, в первую очередь из-за того, что банально не имелось основы в виде даты, от которой можно было оттолкнуться. Легенда, придуманная к веку девятнадцатому совсем не «плясала» для пятнадцатого, а родить что-то универсальное просто нереально.

– Придумывать для каждого века свою?

Попытался, но истощенный мозг уже откровенно саботировал работу и отказывался генерировать идеи.

– Кем я вообще могу представиться в идеальной ситуации? Иностранцем разве что... надо думать мой русский язык сильно отличается от общепринятого, что условно го-

родского и тем более деревенского... А чего на болоте забыл и в таких обносках?

Тут Градов откровенно впал в ступор, потому как ответ на этот вопрос не находил. Да и пришло понимание, что иностранцем он может представиться исключительно для деревенских. А вот стоит только встретиться с кем-то из людей облачённых властью и его легенда рухнет как карточный домик, потому как не знает ни одного иностранного языка, да и о местных реалиях не в курсе.

– Плохи мои дела... Может отыграть роль беспамятного? Да еще и немного? С блаженных взятки гладки... Нет, не прокатит... сдадут в город, никто со мной возиться не будет, просто потому что не наработаю съеденное... А кому нужен лишний рот в деревне, где самим жрать нечего? А в городе доктора... в дурку определяют... если сейчас есть эти дурки, а нет, так церковники примут... а это еще страшнее... демонов изгонять начнут... бр-р... Если сам не признаюсь, так меня все равно быстро вычислят... не дураки люди, быстро сообразят, что перед ними симулянт и тогда сдадут властям, а уж те начнут пытать на предмет, зачем симулировал, от кого сбежал, чего натворил. И надо думать всяков у них хватает, так что все повесят на меня и здравствуй в лучшем случае каторга сибирская. Не... не мой вариант.

Пришло понимание, что устроиться в России у него не получится.

– Значит нужно куда-то свалить, в ту же Америку, где моя

манера говорить не вызовет большого удивления, ну и язык придется учить. А там глядишь смогу вернуться уже не голодранцем, но состоятельным человеком, учитывая мои некоторые знания, спасти Россию, хе-хе...

Градов чуть повеселел. Какой-никакой план он составил, по крайней мере в стратегическом отношении, осталось проработать тактические частности, но это уже не сегодня.

Тут дали о себе знать грибы, начав источать аппетитные запахи. Андрей съел сыроежки и заел их малиной. Организм, бросив все силы на переработку пищи, оставил мозг без энергии и, Градов тут же зверски захотел спать. Глаза слипались, он даже сходил к воде и умылся, даже чуть взбодрился, но стоило только вернуться к костру, как жар огня его тут же разморил, веки налившись свинцовой тяжестью закрылись, а открыть их не хватило ни сил, ни желания.

Андрею приснилось, что он плывет на стремительной яхте под парусом, дельфины вокруг прыгают, да летучие рыбы... а настоящую стремительность ей придавали подводные крылья, что подняли корпус яхты над водой на добрый метр. В детстве как-то успел несколько раз прокатиться на речных «ракетах», а потом узнал, что и парусные яхты такие делают, спортивные.

Но вдруг произошла катастрофа, яхта содрогнулась, резко клюнула носом, не иначе налетела крылом на топляк какие встречаются в морях и океанах не так уж и редко, («ракета» на его памяти тоже однажды столкнулась с бревном, правда тогда ничего не случилось непоправимого), и Градова, сорвав с места, сначала бросило на мачту спиной, а потом, кубарем протаскив по палубе, швырнуло в воду...

– Вот он тать!

– Держи его!

– Бей аспида поганого!

Андрей проснувшись, даже не сразу понял, что произошло, только острая боль в спине, будто он действительно со всей дури долбанул об мачту, только не во сне, а наяву и вода... он действительно оказался в речке и холодная вода его окончательно взбодрила.

В свете почти прогоревшего костра он увидел, что к нему

с криками и каким-то дрекольем в руках несется толпа мужиков.

«Вот одним таким дрыном меня похоже и отоварили сонного, да так что я кувырком в реку улетел», – мелькнула мысль.

– Бей его други! – надрывался какой-то шибздик с козлиной бородкой, зато с самой большой палкой в руках среди прочих, Градов даже подумал, что именно этот гад его и оприходовал.

– У-у! Злыдень!!!

– Эй! Вы чего?!

Градов невольно отшатнулся от нападающих с яростно перекосенными лицами.

– Чего я вам сделал?!

Но его никто не слышал и не слушал.

Несколько молодых парней, лет по двадцать пять, бросилось в речку да еще с разбега, что стало их ошибкой ибо дно оказалось илистым и атаковавшие в один момент потеряли подвижность погрузившись в жижу по колено и выдрать ноги из нее оказалось не так-то просто. Но они вспомнили о своих дрынах и постарались в припадке гнева забить ими Андрея, что тоже боролся с илистой грязью в попытке отступить.

От первых ударов Андрей лишь каким-то чудом уклонился в стиле Нео из «Матрицы» или отбил, мягко перехватив и отведя эти оглобли в сторону руками, тем более что мужики попав в неестественное положение имели проблемы с ко-

ординацией, как следствие замахы получались неточными и довольно слабыми.

– Да вы что, совсем с катушек слетели?! Чего деретесь?!
Что я вам сделал?!

– Ах ты паскуда! Он еще спрашивает?! Н-на!

Этот удар тоже получился кривым и от него Градов снова уклонился, но понимая, что мужики скоро приноровятся, Андрей пошел на сближение, тогда мужикам станет орудовать своими дрынами несподручно.

– Бейте его, бейте! – скача на берегу повизгивал шибздик.

– Да я тебя самого урою уродца мелкотравчатого! – вспылil Градов.

– А-а! Бейте его! – визжал тот.

Очередной замах палкой Андрей перехватил рукой и отведя в сторону, (били без всяких затей сверху вниз, пытаюсь попасть по голове, так что имея некоторую сноровку уверюсь вполне реально), от выдрав ногу из ила, сделал шаг вперед и прописал правой в скулу мужика.

Удар получился смазанным, ведь приходилось держать левой дырн, а мужик в свою очередь пытался его вырвать, так что все находились в движении и с координацией было плохо.

– Ах ты гнида! – взвыл парень получив по морде.

Он еще раз дернул палку, Градов ее отпустил и молодой мужик не ожидавший такого подвоха от неожиданности завалился назад и плюхнулся в воду задницей. Взревев, тут же

начал вставать, но Андрей не терял времени даром и выдрав вторую ногу, сделал еще шаг вперед и, в тот момент, когда противник наконец встал, нанес еще один удар. В этот раз кулак впечатался парню точно в нос, как на тренировке с грушей. Послышался хруст и мужик взвыл, хватаясь руками за лицо, а из-под рук обильно потекла кровь.

– Ы-ы-ы! Зашибу!

– Да скажите уже, чего вам от меня надо?!

Но и эта попытка перевести драку в мирное русло и разрешить несуразный конфликт словами не привела к успеху.

Пока Градов боксировал с одним своим противником, остальные мужики перебирали ногами в попытке с ним сблизиться. Андрей это конечно заметил и попытался отступить, но проклятый ил засасывал ноги все глубже и чем резче попытка вырваться, тем глубже проваливаются ноги.

– Черт бы вас побрал...

Очередная попытка зашибить его дрыном чуть не увенчалась успехом, но Андрей проявил чудеса изворотливости и его задело лишь вскользь. Но руку сильно ушибло. Тогда он подхватил палку, что выронил его первый противник все еще воющий из-за боли в сломанном носе и стал отбиваться ею от нападающих мужиков.

Только он делал не широкие замахи, а бил тычками, словно копьем. И его удары достигали цели. Кому в живот зарядил, кому в грудь...

– Ах ты паскуда!

Казалось, победа близка, мужики начав получать удары, стали приходить в себя, но тут свое слово сказал скачущий словно обезьяна на берегу коротышка. Он подскочив к самой кромке воды зачерпнул жидкой грязи и бросил ее в Андрея. Бросок при этом получился достаточно точным. Шмат грязи попал Градову в голову. Сам по себе удар по силе никакой, но вот грязные брызги залепили ему правый глаз.

– Сука! Тебе конец!

– Бейте его!

И в Градова полетел еще один шмат грязи, а за ним еще и еще.

Андрей попытался сбежать, под ставив спину под обстрел, при этом хотел промыть глаза от грязи, как кто-дотянулся до него и огрел палкой по голове.

Андрей, едва не потеряв сознание, рухнул в воду из-за чего чуть не захлебнулся. Пока он приходил в себя и вставал, надсадно откашливаясь от попавшей в носоглотку и легкие воды, противники добрались до него и побросав палки, что на короткой дистанции только мешают, начали ожесточенно месить его руками, обрушив град ударов. Все на что хватило Андрея это закрыть голову оберегая глаза, нос и зубы.

Но удары пробивали блок, так что кулаки достигали цели, как результат ему и нос расквасили, хоть и не сломали, и глаза подбили, порвав кожу в районе бровей, и по зубам съездили, хоть и не выбили, но губы были разбиты в кровь и по ушам попало, а один из ударов выбил челюсть, а то и

вовсе случился перелом.

– Все, хорош... А то убьем... – сказал кто-то из более-менее здравомыслящих мужиков, видя, что их противник опал в воду и уже не помышляет не то, что о сопротивлении, но и защите.

– И по делом ему гниде!

– Хватит я сказал! Убьем, нас же за это самих на каторгу отправят!

– Так в болоте притопом...

– То не нам решать... Получил свое от нас и будя... Сдадим его в город, пусть там сами решают, что с ним делать. Наше дело маленькое...

Мужики видя поверженного противника, больше не пылали жадой крови и подхватив Градова, стали выбираться на берег из холодной речной воды.

– Ты Митяй лучше дров в костер подбрось. Просушиться нам не мешает... сам-то сухой...

– Так я если бы в реку сиганул, меня бы по горло в тину засосало...

– Эт верно...

– Ха-ха!!!

«Вот же попал в переплет», – тем временем думал Андрей, понимая, что его с кем-то спутали и к этому кому-то у местных накоплюсь много вопросов.

Его самого тоже разоблачили до трусов, но не из человеколюбия, дескать тоже надо обсохнуть человеку, пусть он и

супостат, а из мародерских побуждений. Руки и ноги после этого связали веревкой.

Мелькнула мысль, что зажигалка куда-то пропала. Так-то он крутил ее в руках, когда прилетело по спине, так что варианта три: либо в траве где-то затерялась, либо в огонь полетела, либо утопла.

Мелкий гаденыш, притащивший дров для костра, его при этом пнул в живот. К счастью, этого шакаленыша быстро отогнали.

– Не шали Митька... не дело связанного бить...

– Так он...

– Хватит! А то может развязать его и ты с ним честно по-дерешься?

Но честно драться этот «Табаки» даже с изрядно побитым Андреем не захотел.

Андрей же подумал, что ему в некоторой степени повезло, что драка произошла в воде иначе так легко он бы не отделался – запинали бы ногами. Но ноги у всех оказались обездвижены, а потом, когда выбрались на сушу, парни поостыли, причем в прямом смысле этого слова.

Узнать в чем именно его ошибочно обвиняют Градову не получилось, а потом он просто отключился несмотря на холод. Все-таки по голове ему прилетело порядочно, так что похоже выхватил сотрясение мозга, по крайней мере его стало подташнивать и на глаза давить.

Пробуждение вышло не самым приятным, а именно от

пинка под ребра. Пнул его все тот же шакалениш.

– Вставай тать... а то ишь разоспался словно барин каковой...

Градов осознал, что наступает рассвет.

– Вставай и двигай... а то ишь разлегся словно на перине...

Андрей решил лишний раз рот не открывать, чтобы выяснить причину почему на него напали и оправдаться. Да и челюсть сильно болела, толком даже не закрывалась. С правой стороны скула сильно распухла. Разбитые губы на этом фоне пустяк.

«Только бы не перелом», – взмолился он.

– Шагай давай...

Его подтолкнули в спину и он побрел в указанном направлении. Градову оставалось только порадоваться, что сотрясение если и было, то легкое и организм с ним за ночь практически справился, потому как позывов тошноты не ощущалось, да и глаза вроде как пришли в норму, если не считать отеков, из-за которых он мог взирать на окружающий мир лишь через узкие щелочки.

«Выгляжу наверное сейчас, что называется, краше в гроб кладут», – невесело подумал он и понадеялся, что остаточные, после пересборки организма регенерационные процессы позволят выздороветь достаточно быстро.

Пробуждение вышло не самым приятным, а именно от пинка под ребра. Пнул его все тот же шакаленыш.

– Вставай тать... а то ишь разоспался словно барин какой...

Градов осознал, что наступает рассвет.

– Вставай и двигай... а то ишь разлегся словно на перине...

Андрей решил лишний раз рот не открывать, чтобы выяснить причину почему на него напали и оправдаться. Да и челюсть сильно болела, толком даже не закрывалась. С правой стороны скула сильно распухла. Разбитые губы на этом фоне пустяк.

«Только бы не перелом», – взмолился он.

– Шагай давай...

Его подтолкнули в спину и он побрел в указанном направлении. Градову оставалось только порадоваться, что сотрясение если и было, то легкое и организм с ним за ночь практически справился, потому как позывов тошноты не ощущалось, да и глаза вроде как пришли в норму, если не считать отеков, из-за которых он мог взирать на окружающий мир лишь через узкие щелочки.

«Выгляжу наверное сейчас, что называется, краше в гроб кладут», – невесело подумал он и понадеялся, что остаточ-

ные, после пересборки организма регенерационные процессы позволят выздороветь достаточно быстро.

Шли долго, часа два. Парни, а их всего оказалось пятеро, завели разговор о каких-то своих деревенских делах, костерили старосту, что наживался на своих односельчанах давая в долг под слишком высокую лихву, завышал стоимость аренды лошадей для вспашки с извозом и творил прочие непотребства с их точки зрения.

– А рубашка-то смотрите какая-то тонкая... – заметил все тот же Митяй.

– И цветастая...

Мужики перекинулись на обсуждение обычной вельветовой рубахи раскрашенную в полоску коричневым и желтым цветом.

– Украл поди злыдень...

– Дорогая... В корчму сдадим, за нее полведра сможем выторговать!

– Ведро!

– Не меньше!

Перспектива знатной попойки оживила конвоиров.

– Штаны жаль худые... рванина...

Пошло обсуждение одежды, подивились вязаному свитеру и перспективам его продажи за зеленое вино. Плащу удивились не очень. Его решили не продавать, как и свитер со штанами, разобрав для себя.

– Где одежду такую взял, аспид?! – толкнув Андрея в пле-

чо, спросил один из мужиков.

Градов не ответил.

– Ну?! Че молчишь, еще получить хочешь? Так я быстро тебе навешаю!

– Оставь его Николка... не вишь, что у его пасть калечная, не закрывается... ничего кроме мычания он тебе не выдаст. Как ты тогда...

– Ха-ха-ха! – заржали парни, видимо вспомнив какой-то случай с подобной травмой.

– Вот же...

Этот Николка сплюнул и они все продолжили обсуждать свои дела, прыгая с темы на тему от перспектив урожая зерновых с брюквой и заканчивая недавно состоявшимся рекрутским набором. Урожай как водится прогнозировался скудным с перспективой жрать лебеду и прочие малосъедобные растительные дары земли.

Ну и про баб, конечно, балаболили. Какой же мужской треп и без женского вопроса? Вот и обсуждали то одну, то другую. Причем эта тема переплелась с отдачей односельчан в армию, потому как забрали в солдаты одного женатого и молодая жена с парой малолетних детей теперь осталась без мужика и стало быть можно предложить ей свои мужские услуги и это отнюдь не помощь по хозяйству.

Вот и деревня. Дворов двадцать, плюс-минус. Дома стояли вдоль речки примыкая к ней огородами. Но оно и понятно, так легче поливать, таская воду.

«Сильный ветер что ли был, что все крыши посдувало?» – невольно удивился Андрей, увидев, что почти половина домов без крыш, точнее с голыми жердями образующих скат.

Как раз сейчас некоторые ремонтировали свои крыши устилая их свежей соломой взятого с поля, через которое они шли. При этом часть поля была уже убрана, а местами все еще стояла пшеница, словно клоки волос на голове у страдающего стригущим лишаем.

Как подметил Градов эти участки были отделены друг от друга полосами земли примерно метровой ширины по одной такой полосе они и шли.

Пшеница не поражала своей густотой и налитостью колосьев. Посажена тоже то густо, то пусто. И эту пустоту занимала сорная трава: овсюг, полынь и прочий бурьян.

«Ну да, покидали как бог на душу положит, широко махнув рукой, – понял Андрей. – Это ведь не посадка автоматической сеялкой. Да еще поди птицы изрядную часть зерна склевали...»

От деревни к полю в свою очередь направилась толпа женщин и детей, что принялись скашивать пшеницу на своих участках с помощью серпов. Женщины косили, а подростки вязали скошенное в снопы.

Их процессию заметили и проводили взглядами, лишь подростки, наверное те самые, что от него сбежали, приняв за болотника, показывали в него пальцами и чему-то смеялись.

Деревня при ближайшем рассмотрении оставила гнетущее впечатление. Дома низенькие, маленькие с крохотными окошками затянутые мутным бычьим пузырем или своеобразными витражами из осколков битого стекла, причем, судя по всему, бутылочного. Печных труб не видно.

По улице с дикими воплями носились мелкие босоногие дети, лет пяти-семи, одетые в жуткие обноски, где заплатка сидит на заплатке.

Внезапно среди них завязалась ожесточенная потасовка, причем дрались не только мальчики, но и девочки. При этом взрослые почти не реагировали на это побоище, лишь старый дед на них прикрикнул, но на него не обратили никакого внимания и продолжили с визгами мутузить друг друга. Там не просто дрались, но и кусались, образовалась куча-мала.

«Матерь божья!..» – мысленно воскликнул Градов, глядя на это побоище.

И лишь когда из ближайшего двора вышел мужик лет сорока, которому эти крики видимо сильно мешали и начал с матами раскидывать этих дерущихся детей в разные стороны словно щенков, при этом отвешивая крепкие подзатыльники и пинки, махач прекратился и детишки, все в царапинах и заляпанной в кровью одежде, что обильно текла из разбитых носов и губ, стали разбегаться кто куда.

– От звереныши! – даже с толикой восхищения произнес конвоировавший Андрея мужик, чьего имени он так и не узнал. – А мой-то каков, а! Видел, как твоему наподдал! Пря-

мо как я тебе давеча! Ха-ха!

– Это кто кому наподдал?!

– Я! Забыл, что ли, как...

– Н-на!

Один из парней неожиданно врезал другому кулаком в ухо.

– Ах ты!..

Получивший оплеуху, быстро вскочив с земли, налетел на своего обидчика словно регбист, свалил его на землю и завязалась ожесточенная потасовка.

«Ну и дела... – обалдевал от происходящего на его глазах Градов. – Чего они такие все агрессивные?! Что дети, что взрослые... Агрессия так и прет. Готовы схлестнуться по малейшей причине, а то и намеке на нее. Или это все из-за спорыньи?»

Градов слышал, что в давешние времена, то есть в эти, в которые он угодил, зерно часто поражалось спорыньей, а она провоцировала агрессивное поведение у людей, при этом при температурной обработке вещества в ней содержащиеся не распадаются.

«Значит с местным хлебом надо осторожнее быть», – сделал он вывод.

– А ну прекратили! – крикнул неформальный лидер группы и попытался разнять дерущихся, что катались в пыли дороги со звериным рычанием. – Хватит, я сказал!

При этом Митька с Николкой принялись подзуживать

драчунов.

– В ухо ему бей в ухо!

– В душу ему сунь!

Наконец дерущихся удалось разнять.

– Совсем ума лишились?! Устроили тут... Идем!

И процессия продолжила движение. Детишки что минуту назад ожесточенно бились друг с другом, что называется не на жизнь, а на смерть, вновь собрались в стаю и пристроились следом. Оно и понятно, новое лицо, какое-никакое развлечение...

Дворы огораживались плетнями из тонких палок, все того же тальника, причем почти у всех они были из относительно свежесрубленных, и потому внутреннее пространство хорошо просматривалось, а именно то обстоятельство, что они оказались засраны до неприличия. Никто их похоже не чистил, так что образовалось полужасохшее месиво из грязи и дерьма различных животных: куриц, коз, свиней, коров и лошадей. Ну и амбре над улицей висело соответствующе. Так что невольно вспомнилась присказка: «Хорошо в краю родном, пахнет сеном и говном». Сеном не пахло, а вот говном – да, аж глаза резало.

«Не удивлюсь если и люди свою лепту вносят вместо того, чтобы в сортире гадить. Да и сортиры не факт, что имеются в наличии...» – подумалось Андрею.

Как он потом позже выяснил, то все это «богатство» по весне вываливали на огород и поля в качестве удобрения.

Так что про то, что огороды для повышения урожайности надо уваживать селяне знали издавна. Другое дело, что форма сбора органических удобрений...

Наконец деревня осталась позади и процессия остановилась перед большим и богатым двором стоявшим на некотором отшибе от остальных домов и на некотором возвышении. Богатство выражалось в том, что жилой дом был большим, окна застеклены оконным стеклом, пусть и плохого качества – видно брак производства, а главное – крыша крыта досками и дранкой, а-ля черепица. Ну и во дворе чисто, животные по нему не гуляли за исключением кур, а сидели в стайках. А сам двор огорожен внушительным забором, как по толщине используемых палок в плетне, так и по высоте, сходу такой не преодолеешь.

Так же в пользу богатства говорила стоящая на самой макушке холмика ветряная мельница.

Еще одним штрихом служило то обстоятельство, что во дворе этого хутора залаяла собака. А содержать псину дело не дешевое. Ее капустой да брюквой не прокормишь. Только сейчас Градов понял, чего не хватало в деревне, пока они шли по улице – лая собак.

«Надо полагать тут староста живет, кулак местный», – понял Градов.

Гостей благодаря живой сигнализации заметили. Сквозь плетень на них смотрел пацан лет десяти.

– Батьку своего позови... – глухо потребовал вожак сей банды.

– Ага...

Пацан убежал и через пару минут появился староста и впрямь выглядел как типичный кулак с картинок. Главное что обут оказался не в лапти, а какие-то полусапоги. Ну в целом одежда добротная без заплаток.

Видом и статью чем-то напоминал заведующего складом из фильма «Операция „Ы“».

– И кого это вы притащили? – поинтересовался он, открыв калитку.

– Злыдня... – начал было Митька.

Но староста-кулак оборвал его взмахом руки.

– Кто это Демьян? – обратился он к лидеру.

Андрей вдруг подумал, что староста прикармливает этих парней, делая из них этакою силовую защиту, ведь быть богатым среди нищих тоже непросто, особенно когда люди до крайности доходят. Напасть могут.

«От рекрутского набора наверняка прикрыл, заработать дает на бухло в качестве батраков, да и так подкармливает. По крайней мере Демьян точно полностью его человек», –

предположил он.

– Тать-колодник. Вы еще сами нам о нем говорили...

– Помню я о чем говорил. Вот только непонятно каким местом ты меня при этом слушал. Жопой поди... О каких приметах я тебе сказывал?

– Эм-м...

– Что мычишь как бычок от вымени оторванный? Колодник тот волосом черен, нос горбинкой, мочка правого уха рваное, одного верхнего зуба не хватает. А теперь посмотрите на него и скажите мне, хоть одна примета совпадает?

Конвоиры-ловцы посмотрели на Градова словно в первый раз увидели и погрузтели. Ну да, волосы оказались темно-русыми, нос прямой, и мочка уха целая. Зубы как у лошади смотреть не стали.

– Темно было...

– Только это вас и извиняет.

– А с другой стороны Василь Силыч, что честному человеку на болоте делать?

– Тоже верно, – степенно кивнул староста. – Это ты правильный вопрос задал. Может еще кто сбег, а мы о том просто не знаем... Бумаги при нем какие были? А то мало ли чего на болотах кто мог забыть по какой нужде...

– Не... одежда худая и все... не иначе крепостной, или дворовый чей в бега подался натворив чего в барском имении. А то и мастеровой или еще для каких нужд человек. Руки у него вон какие... тяжелой работы не знающие. Как

бы не музыкантишко какой. А это народ пакостливый...

Андрей сам невольно посмотрел на свои руки и признал доводы Демьяна. После пересборки, все трудовые мозоли исчезли. Да и те, что были, за таковые по нынешним временам могли не признать.

– Может быть... может быть... Набедокурил и в бега... Эй, ты кто таков и чьих будешь? – обратился староста к Андрею.

Но тот ничего внятного ответить не мог из-за опухшей челюсти, да и не придумал до сих пор что отвечать. Требовалось больше информации для проработки легенды. И первые наметки благодаря этим разговорам у него появились.

– Понятно, – пробормотал с недовольным видом староста. – Ладно... все равно соврет – не дорого возьмет. Узнать в городе надо. Может награду за беглого дают? Пошли кого в город, пусть узнает. Или сам сгоняй.

– Сделаю Василь Силыч... Лошадку бы для скорости... – попросил Демьян видимо не желая бить ноги.

– Хорошо... возьми Сухаря. А этого пока в подвал отведите... да оставь кого присматривать за ним.

– Вот... Николка присмотрит.

– Пусть он, – согласился староста и отошел в сторону, освобождая дорогу.

На хуторе старосты оказалось довольно прилично народу, одних взрослых под дюжину человек и все чем-то занимались, но все оставили свои дела, чтобы посмотреть на Гра-

дова, причем всех скорее заинтересовал не сам он, а его трупы. Наверное, будь он голый и то, столько заинтересованных взглядов не удостоился бы.

– Что это на нем?

– Срамота какая...

– Не иначе басурманская одежда...

– И креста на нем нет...

«Вот кстати да... ну, скажу, что потерялся во время драки», – подумал Андрей.

Наконец минута позора осталась позади, его провели через весь двор мимо каких-то стоек, овинов, бани и прочих строений не совсем понятного для Градова назначения, завели в какой-то сарай и там открыли люк ведущий под землю. Из проема дохнуло сыростью и плесенью, а также прочими непознаваемыми запахами, вроде кислятины и гнили.

– Давай, спускайся, – сказал староста.

– Хо-о-но... коею...

– Чего ты там бормочешь? – нахмурился тот.

– Холо-оно...

Андрей мелкой дрожью тела попытался изобразить, что ему зябко.

– А, холодно! – догадался староста и посмеялся. – Ладно... будет тебе одежда... Да и не голым же тебя в одном этом непотребстве срамном потом в город везти... А теперь давай, спускайся сам... или тебе помочь? Так это быстро!

В помощи Градов не нуждался, а то знал он подобного ро-

да помощь – столкнут вниз и вся недолга. Еще переломается.

Андрей оказался в подвале для хранения консервированных продуктов: капуста, огурцы, яблоки, (и что там еще квасят да засаливают в эти времена?) о чем свидетельствовали бочки, от которых и несло кислятиной. Непонятно только почему бочки до сих пор не вытащили наружу и как-то их не обработали для последующего использования, а стоят тут и гниют, да воняют. Изделия не самые дешевые. Разве что повторное использование не предполагается и тара пойдет на слом. И все равно не понятно, почему не вытащат. Сырость ведь пропитывает подвал. Во время спуска он заметил покрывшую стены потолок подвала пышную «вату» белой плесени, того и гляди обрушится все.

«Разве что руки пока не доходят вынести да почистить, типа страда – полевые работы все силы и время отнимают? – подумал Градов. – Да и подвал могут новый копать, а этот наоборот закопают...»

Сырой холод подвала сразу же вцепился в тело Андрея начав высасывать из него тепло. К счастью, староста не обманул и подбросил одежды, причем не став затягивать. Но это, как понял Андрей не от доброты и душевной широты, а просто если сидящий у него в подземелье человек заболит, а то и вовсе околеет, а он при этом является чьей-то собственностью, да еще дорогой собственностью, то придется отвечать перед владельцем.

Так что что староста можно сказать не поскупился, дал

штаны, рубаху, старые лапти с портянками для них и даже какую-то рогожу кинули для использования по типу плаща.

В одежде, даже такой, заношенной до состояния марлевой прозрачности, стало чуть лучше, но ненамного и ненадолго.

Больше он ничего просить не стал, ни пить, ни есть, чтобы не лишний раз не вызывать раздражения. А то могут из вредности чуть позже зажать, чтобы помучился. Есть у людей облеченных хоть крошкой влияния такая неприятная черта – показывать свою власть над совсем беспомощными и куражиться. Так что если и просить, то чуть позже.

«К тому же, если верить одному персонажу, то мне сами все должны предложить и дать», – невесело усмехнулся Андрей.

Но пока что-то предлагать и давать ему ничего не торопились.

Главарь банды укатил на коне в город, его банда так же рассосалась, (может староста припахал для работ на своем хуторе за кормежку), кроме конвоира, что сидел на чурбаке подле подвального люка и скучал. Он пытался зацепиться языками с обитателями особенно с женской частью, но тем было не до разговоров, рабочий день в самом разгаре, так что все усердно впахивали. Может кто-то и хотел бы поболтать, но староста зорко следил за тем, чтобы никто не отлынивал от работы и прикрикивал на филонящих.

– Давай-давай, пошевеливайся... и ты не задерживайся... не спи – замерзнешь!

От скуки конвоир даже решил поболтать с пленником.

– Эй, – постучал он по люку, – не окочурился там еще?

– Не-эт... – ответил почти сразу Андрей.

Молчать и строить из себя партизана он посчитал глупым. Ему требовалась информация и этот Николка ее мог дать, для чего требовалось чтобы он болтал как можно больше для чего в свою очередь направлять его болтовню в нужное русло. Благо челюсть похоже все-таки не сломана и какие-то звуки можно издавать без неприятных для себя последствий.

– Так кто ты таков-то? Звать тебя как?

– Андрэй... Гх-адов...

– Адов?! Гадов?!

– Г-радов.

– А-а... а то слышалось невесть что... Гадов! Ха-ха! – засмеялся конвоир. – Так чего на болоте делал, раз ты не тот тать за кого тебя приняли? Сбег от кого?

Андрей над этим уже успел подумать и пришел к не слишком приятным выводам. А именно к тому, что выдать себя за свободного не получится. Документы нужны. Нет документов, скажем в болоте утопи, то нужно назвать место, где родился, где тебе документы делали с правом перемещения по территории и выяснится, что нигде он не отмечен. Все это легко и достаточно быстро проверяется.

«Могут принять за беглого татя, не того, что с рваным ухом, а какого-нибудь другого. Мало ли беглых татей на Руси? – думал Градов. – Фотографий нет, так что обязательно попаду под чье-нибудь описание. И хорошо если просто „снова“ закуют в колодки и отправят по этапу в Сибирь, а могут ведь и чего похуже сделать. Вроде бы пойманным бегункам ноздри рвали и каленым железом тавро со словом „вор“ на щеках или лбу делали. И даже если нет, то шкуру на спине обязательно исполосуют».

Подвергать себя подобной экзекуции очень не хотелось.

Свободным не представиться, но и чьим-то холопом тоже не прикинуться. Это проверят еще быстрее. И заинтересуются еще сильнее.

– Сбег... – решил «признаться» Андрей.

– А от кого?! – оживился сторож.

Поскольку Градов просто не представлял, что за помещики вокруг могут обитать, то решил поступить по примеру телефонных мошенников, что что-то невнятно бурчат, когда нужно назвать конкретное имя. Был у него опыт общения с подобной публикой. Дескать родственник позвонил, а когда Градов спросил: «Кто?», то услышал неразборчивый ответ и так пару раз переспрашивал, пытаясь разобрать невнятное бурчание.

Благо тогда быстро сообразил, что к чему и с радостью в голосе, дескать узнал, назвал совершенно левое имя: «Дядя Ваня!». Мошенник тогда радостно подтвердил, что дескать верно, это я, и попросил подкинуть денег, а то попал в переделку с автоаварией и заплатить пострадавшему не хватает, а я потом дескать верну. Андрей тогда лишь посмеялся и отключился.

У него же сейчас как раз и причина для невнятного ответа имеется – поврежденная челюсть, так что и притворяться почти не надо. Главное, чтобы сторож из неразборчивых звуков услышал что-то знакомое ему.

– Ви-д-г-др-об...

– Чего-чего?

– Ви-н-д-ра-т... – стал еще глуше бурчать Градов.

– Что-что? Ах ты ж... ничего не понять... Виноградов говоришь?

– Д-ха...

– Ах, вот оно что! И фамилию стал-быть взяли по имени

хозяина вашего только начало обрезали.

– А-ха...

– Понятно. А чего сбег?..

– Убгу-бу...

Этого Андрей еще не придумал. Да и говорить действительно стало сложнее, челюсть заболела сильнее. Похоже несколькими фразами он выбрал лимит на какое-то время.

– Ах ты ж напасть... – правильно понял сторож трудности пленника, но это его не остановило от болтовни, что только порадовало Андрея, тем более что говорливый сторож стал обсуждать помещика Виноградова: – Да, суровый у вас был хозяин... да видимо наследник у него еще суровее...

Тут в монолог вмешался новый участник, точнее участница, если судить по звонкому девичьему голосу.

– А он взаправду музыкант? Я от тяти слышала...

– Не знаю...

– Так спроси!

– Эй, Андрейка! Ты музыкантом дворовым был при барине?

– А-ха...

Другого варианта Градов все равно придумать не смог, а по рукам его уже «разоблачили», что он кто угодно, но точно не крестьянин и не мастеровой. Холеные ручки-то. Значит из какой-то «белой» дворни, причем не трудовой, а из числа развлекательной. Ну мог быть еще из числа управленцев, этаким надзиратель, но такому бежать смысла нет, разве что

не проворовался в пух и прах, но представляться беглым ворихой опасно – решат раскулачить, а потом концы в воду. Потому музыкант, с такого спроса нет.

Что до реальных музыкальных способностей, то максимум что он мог, это выдать три бластных аккорда на гитаре. Этого явно недостаточно для подтверждения квалификации музыканта.

– Пусть что-нибудь сыграет!

– Так на чем же ему играть-то?..

– И правда... Тогда пусть споет!

– Мы его помяли сильно и челюсть свернули, так что долго ему еще не петь...

– Тьфу на вас! Только и знаете, что драться! Как есть бараны!

– Анюта! А ну иди сюда, егоза! Ты чего там крутишься?! – прозвучал женский голос, видимо матери этой девчушки и она убежала под тяжелый вздох Николки.

– Что Андрейка... новый хозяин похоже в музыканте не нуждался и решил тебя на тяжелые работы определить?

– Угу...

– Понятно... после того, как слух барский ублажал песенками да музицированием, да жрал с барского стола стать обычным землепашцем – смерть. Понятно, что с непривычки в бега подался...

В голове же Андрея забрезжила смутная идея кем ему представиться. Впрочем, как он понимал, окончательный ва-

риант будет зависеть от многих внешних факторов.

Андрей, сидя в темном, сыром и холодном подвале практически потерял счет времени. Его сторож о чем-то болтал, но его голос проходил для Градова как звуковой фон, типа радио или включенного телевизора, как он обычно делал дома, чтобы разорвать гнетущую тишину.

Смысла этот звуковой поток особого не нес и Андрей практически перестал вслушиваться в бормотание Николки, а тому похоже было все равно, главное, что есть слушатель. Андрей разве что односложно отзывался на какие-то вопросы, чтобы подтвердить, что слушает.

Николка в какой-то момент стал учить непростой крестьянской жизни Градова.

– ... Уже бывал на дорожных работах?

– Нет...

– Так я расскажу, как у нас дело происходит... Для меня это почитай за отдых... да и для остальных тоже, не то, что барщина, где управляющий со своими сподручными смотрят, чтобы не филонили. На дорожных работах такого нет... проверяют уже готовый результат. Первым делом надо вырыть землянку... поскольку догляда за нами нет, то можно спать без просыпа сколько душе угодно... А когда спать уже нет охоты, тогда и выходишь на работы заваливать ямы землей с обочины... Есть у нас пара мостков, но вместо пе-

ределки мы обычно просто обтесываем на них бревнышки чтобы значитца свежими выглядели и, заплатив положенное исправнику, что в обозначенный срок проверяет сделанные работы, чтоб значится не придирался, получаем дозволение вернуться домой...

На это Андрей только усмехнулся, понимая, что с первым же дождем вся эта работа будет смыта водой, а мостки развалятся.

– Как у вас там барин, картоплю сажал?

– Э-э...

Но ответ Николку похоже не сильно интересовал, он продолжил говорить дальше:

– Нас вот пытались заставить сажать сей дьявольский овощ...

К счастью выслушивать эпопею с картофелеводством не пришлось. Прибежала Аня с парой горшков в котором оказался обед.

– Не балуй, – предупредил страж и открыл люк.

Если Андрей и решился бы что-то задумать, то глаза успели отвыкнуть от света и они рефлекторно сильно зажмурились, даже рукой их прикрыть пришлось.

В горшке оказалось какое-то варево, но больше жижа с небольшими ошметками чего-то овощного: морковь, капуста и может быть брюква, да немного зерна на дне. Хлеб получил только Николка, Андрея им обделили.

«Не сильно-то и хотелось», – подумал он, вспомнив о спо-

рынье.

Ложки у него не было, никто ему этот предмет тоже не выдал, так что пришлось просто пить. Собственно именно такая пища в его положении была практически оптимальной – не надо жевать, оставалось только сожалеть, что слишком уж жидковато.

– Ладно... давай обратно вниз двигай да сиди тихо... ночь из-за тебя не спамши... так хоть сейчас подремлю.

Николка закрыв люк за Градовым разлегся прямо на нем и практически мгновенно заснул.

Андрею не осталось ничего другого как сидеть в подвале и ждать круты в голове невеселые мысли и пытаться составить далекоидущие планы, в том отношении, чем заняться после того, как он слиняет из России. Куда именно литься вопрос уже не стоял – в Америку. А вот чем заняться, это действительно вопрос вопросов. В голову ничего особо не приходило в плане производства.

«Оружие разве что, – подумалось ему. – Оружие всегда востребовано. Но это дело такое... Во-первых, денег нужно много для строительства завода, а во-вторых... если не отожмут бизнес, так быстро слямзят идеи...»

Так что теперь стоял вопрос в том, где взять быстро и много денег.

– Так... если до сих пор крепостное право, то это до 1860-го года... Клондайк еще вроде не распечатан и тем более Аляска...

Посмотрев на люк, Андрей предпочел замолчать, даже рот себе рукой зажал, чтобы его не подслушал Николка.

«Можно метнуться и по-быстрому надыбать золотишка, килограмм сто наберу и мне этого хватит до конца жизни, — размышлялся он. — Так что можно без всяких заводов обойтись. Куплю себе земли, ранчо простое и буду жить-поживать...»

Вмешиваться в исторические процессы — спасти Россию он передумал.

«Только хуже могу сделать, — мысленно оправдывался Градов перед самим собой. — Да и что тут можно сделать?.. Для того, чтобы что-то сделать, надо пробиться на самый верх. А как это сделать? Для этого дворянином надо быть и то сожрут... без соли и с дерьмом. Ну и потом... выкулила же как-то страна и без моего вмешательства... Да и зачем спасать этот царизм? Прогнившая и костная система с компрадорской элитой, что не считает свою страну родиной и ничего не делающей для ее развития. Так и норовят в Париж сбежать, да Лондон. Сизифов труд. Англичанам сдадут за недорого... Революцию устраивать? Так максимум что я смогу это поднять бунт, бессмысленный и беспощадный, что быстро задавят».

В таких размышлениях незаметно пролетело время. Николка оказался мастак спать. Ничего ему не мешало, ни свет, ни шум, ни неудобная «кровать». Андрей и сам немного задремал.

Разбудили их уже ближе к вечеру. Трудовой энтузиазм у обитателей хутора спал, пришло время ужинать, вот и им принесли еды во все тех же горшках. На этот раз была овсяная каша, жидкая и склизкая, но Градов ерепениться не стал и быстро выпил содержимое.

– О! Демьян вернулся! – воскликнул Николка и обратился уже к своему главарю: – Ну что, ищут его? Сколько дают?!

– Нет...

Градов чуть приподнял люк и стал осматриваться через образовавшуюся щель.

– Вот же... Ну, может еще не подали известия о беглеце...

– Может и так...

– Тогда что с ним делать будем? Попридержим у себя пока в розыск не объявят да награду не посулят?

– Это уже староста решать будет...

Демьян отвел коня на конюшню и только после этого из дома вышел сам староста и задал тот же вопрос, что и Николка.

– Новых заявлений на розыск нет, Василь Силыч...

– Плохо...

– Давайте придержим его Василь Силыч! – со своими «пятью копейками» влез Николка.

– И сколько ждать? Неделю? Две? Месяц? Он сожрет у меня больше, чем награду дадут... это если его вообще объявят в розыск...

– На работы его поставить, чтобы еду отрабатывал. Здо-

ровый ведь лось!

– И тебя при нем держать все это время, чтобы его сторожил да жрал за просто так? – усмехнулся староста. – А если узнают, что специально его держали, так еще и накажут. А он же молчать об этом не станет...

– Он виноградовский Василь Силыч, может к ним напрямую пойти?

– И что? Отберут и «спасибо» не скажут... – скривился староста. – Откуда кстати знаешь, что виноградовский?

– Так он сам сказал...

– И что еще сказал?

– Он действительно музыкант, да только после того, как старый барин помер, новому хозяину музыкант стал не нужен, в деревню его отправили, вот он не выдержал крестьянского труда и жизни, да в бега подался.

– Правда сие? – спросил староста у Андрея, заметив, что тот выглядывает из подвала.

– Д-ха...

– Понятно...

– Так что с ним делать, Василь Силыч? – спросил пропыленный и уставший Демьян.

– А что тут сделаешь? – снова скривился староста. – Так властям придется его сдать, а те уж пусть сами вопросы с младшим Виноградовым решают. Так что вы двое завтра со мной повезете его в город.

– Ясно.

Ночь пришлось провести во все том же подвале. Замка к нему не было, даже символического по типу засова, потому Николке пришлось снова устроиться сверху и спать на улице. Но как видно для него это проблем не доставило, благо ему для такого дела подкинули старую овчину в качестве матраца и рогожу для использования в виде одеяла.

Поутру Градов чувствовал себя полностью разбитым, глаза словно песком забиты, оставалось радоваться, что нет признаков простуды, чего он сильно опасался. Поспать толком не получилось, слишком холодно и неудобно. На сырой земле не лежишь, как собственно и на лестнице толком не устроиться, да еще тело затекает, то и дело приходилось разминаться для согрева, что напрочь сбивало сон.

– Выходи...

С завтраком Андрея прокинули, дескать нечего продукты впустую переводить, но хоть воды по его просьбе ему все же дали напиться.

Если он думал, что его повезут в город на телеге, то и тут он промахнулся. Староста видимо решил, что впустую ездить в город, только чтобы передать властям беглого, слишком расточительно, то загрузил телегу всяческим товаром на продажу, в основном всякая зелень и пару мешков муки, так что с сидячим местом пролетел не только Андрей, но и Де-

мьян с Николкой, что тоже вынуждены были идти пешком, данное обстоятельство настроения им не прибавило, но и не особо огорчило. Они только свою обувку сняли.

«Ходить вообще полезно», – невесело подумал Градов, что последовал их примеру и пошел босиком, а то его расползающиеся лапти не выдержали бы и километра дороги.

Андрея, чтобы он не подался резко в бега, связали по рукам и конец веревки привязали к телеге, так и шел. Благо телега ехала в режиме быстрого шага, километров пять в час.

Из-за болота на пути в город пришлось дать широкую петлю и пройти мимо еще одной небольшой деревеньки от которой к времени Градова не осталось и следа. Может пошла на укрупнение предыдущего селения, а может сгорела до основания в какие-то лихие годы и восстанавливать ее не стали.

Обедом Андрея все же покормили, если можно таковым назвать черствый ржаной сухарь размером с ладонь. Плюс «вялая» луковица. Сподручные старосты получили из его рук по два сухаря, и помимо луковицы еще и по вяленой рыбешке, не то лещ, не то карп. В качестве питья они получили по кружке вонючей браги, и Андрею плеснули на пару глотков.

– Пей и шагай веселей!

Отказываться он не стал. Веселее правда не стало, градусов там было как у вина, но сил и правда вроде как прибавилось.

Сам староста ел вареное мясо, а вот свою брагу пить не

стал. Ему допинг не требовался – сидел на телеге и погонял коня.

После небольшого отдыха вновь двинулись в путь. Разговорами его не донимали, Николка попытался его разговорить, но Андрей отбрехался тем, что челюсть вновь заболела после того, как пришлось грызть сухарь.

Что до реального состояния с челюстью, то с ней на удивление все было неплохо. Рот закрывался уже без болезненных ощущений. Да и опухлости на лице заметно спали, так что смотрел он теперь не через «амбразуру», а вполне нормально.

«Похоже я прав и регенерация после пересборки усиленная, – сделал он вывод и невольно помечтал: – Вот бы и дальше такой оставалась...»

До города добрались, когда солнце уже сильно склонилось к закату, еще час и стемнеет. На въезде в городскую черту стояла будка и шлагбаум раскрашенные в черно-белую полосу. Что-то это Андрею напомнило, но он так устал, что было не до анализа отмеченных факторов. Наступила психологическая апатия. Хотелось уже наконец добраться до места куда его ведут и просто отключиться. Разве что мелькнула мысль, что попал он точно не раньше правления Петра Первого, а вот насколько позже, это уже вопрос, хоть и не сильно принципиальный. По крайней мере на первый взгляд. Да и на второй – тоже. Вся та же бесправность и беспросветность...

– Кто такие? Цель приезда? – спросил пышноусый полицейский коему на вид было лет под пятьдесят со следами давнего ожога на правом виске.

Форма на вид простая: черные туфли (или что-то в этом роде), белые штаты, синий китель с красным воротником и погонами, на голове – черный кивер с красной тульей, у киверу прикреплен латунный знак в виде полосы на котором что-то написано.

Вооружен он оказался... топором. Правда на длинном под два метра топорище. Этакая алебарда. Тем более что топор имел дополнительные элементы в виде «клюва» и копейного острия, в общем и рубить и колоть, и зацепить-проломить способное.

«Последний элемент наверное нужен не столько для переламывания бошек, сколько для растаскивания горящих строительных элементов при пожаре», – понял Андрей.

– Да вот, беглого споймали на болотах... – ответил староста, сойдя с телеги. – Сдавать властям привезли.

– Ага... вижу. А в телеге что?

– Так товар на продажу немного взял. Чего зазря мотаться?

– Показывай, да пошлину плати.

– Да чего тут показывать... трава одна, петрушка с укропом, да чеснок с луком... Давай сделаем вид, что нет ничего, а я только беглого привез, а за это вот...

Староста раскрыл сумку, что носил через плечо в кото-

рой, судя по всему, имелся кувшинчик на полтора-два литра объемом. И надо думать там не сивушная брага, а хороший самогон. Этот кувшин стоил как бы не больше всей травы, а значит под ней имелось что-то более ценное.

– Хм-м...

Полицейский осмотрелся и не увидев ничего для себя подозрительного, кивнул.

– Годится.

Кувшин оказался в его руках и тут же исчез внутри будки, где похоже был устроен тайник на случай проверки начальством.

– Проезжай.

– Спаси тебя бог!

– Да уж спас... и не раз... – едва слышно пробормотал полицейский.

Города Градов понятное дело не узнал. Он и в его бытность не мог похвастаться современными постройками – обычный небольшой провинциальный городок тысяч на сто жителей, если не считать пятиэтажных хрущевок и прочих послереволюционных строений, но все же по большей части был кирпичным, и лишь в «историческом квартале» сохранились деревянные дома – историческое наследие в которых размещались различные музейчики и тому подобные культурные центры, но и им было не больше ста пятидесяти лет.

Впрочем, особо с нынешними городскими красотами познакомиться не получилось. Староста увел телегу в переул-

ки, прочь со взора так называемой чистой публики, что по вечернему времени да хорошей погоде активно фланировали по проспекту, воспользовавшись проулками коими пользовались «технические службы» города, то есть поставщики дров, сена, ассенизаторы и прочие о ком Андрей даже понятия не имел. По этим улицам в основном передвигалось «подлое сословие», то есть в основном слуги, выходя на центральные проспекты только в крайнем случае, чтобы вновь юркнуть в подворотни.

Но прежде чем ехать в управу сдавать беглого, староста по пути заехал в корчму. Хозяин заведения был ему хорошо знаком, может даже родственник какой, имелось у них какое-то едва уловимое сходство во внешности, быстро сдал продукты, получил расчет и только после этого двинулся к зданию в котором размещалась полицейская управа.

Часть пути к управе пришлось проделать по центральной улице и на них чистая публика то и дело поглядывая морща носы и кривя свои лица, дескать оскорбили своим затрапезным видом.

Полицейская управа тоже оказалась выстроена из дерева, а перед зданием огороженным чугунным забором, располагался небольшой дворик. На входе в управу дежурила пара полицейских во все тех же будках стоявших по обе стороны от чугунных же двухстворчатых ворот. Один из дежурных получив объяснение от старосты о причинах их появления умчался в управу и вскоре вернулся.

– Ждите, сейчас его благородие дежурный прапорщик выйдет... – сообщил он и вновь засел в своей будке.

Прапорщик, парень лет двадцати, появился лишь минут через десять, уставший и раздраженный. То ли дел много, то ли наоборот от безделья страдал, но и новое дело ему радости совсем не принесло.

– Что тут у тебя?.. – спросил он с гримасой пренебрежения.

– Вот, ваше благородие, поймали беглого... от господина Виноградова сбег...

– Виноградова?

– Да. Сам признался, ваше благородие.

– Вроде не было прошений от него на розыск...

– Так может еще не подал, ваше благородие...

– Может и так. Ладно... разберемся.

Дальше Андрея под конвоем доставили в местный каземат, оказавшимся одним из немногих каменных строений в городе.

Из камеры дохнуло тяжелым смрадом из спертого воздуха, давно не мытых тел, а главное – нечистотами. Андрей аж отшатнулся. Но конвойный подтолкнул его кулаком в спину, буркнув:

– Заходи давай, а не то в рожу дам.

Пришлось зайти в темное помещение освещаемое лишь одним небольшим зарешеченным окошком под сводчатым потолком с полупрозрачным от пыли стеклом. Первое что бросилось в глаза – отсутствие нар. Лишь на полу кучами лежала старая солома на которой вповалку лежали люди.

После того как глаза привыкли к сумраку, Андрей смог оценить размеры камеры, что оказалась не так уж и велика, примерно с зал в хрущевке, ну может быть чуть больше. И вот в этой камере разместилось около тридцати человек. И все с вялым интересом посмотрели на новичка.

Градов никогда не соприкасался с тюремной жизнью, так что какое-то представление об оной имел только по книгам да фильмам. Так что невольно заробел.

«Да и не факт, что это все работает в прошлом», – подумал он, при этом понимая, что страх и неуверенность показывать никак нельзя, тем не менее сказал:

– Вечер в хату!

Спустя пару мгновений сидельцы загудели между собой.

- Чегось?
- Малахольный какой-то...
- Какая ж это хата? Каземат...
- Дурачок поди...

Пока сидельцы гудели, Андрей понял, что попал не к вар-накам каким и прочим мошенникам да ворам, а... не пойми к кому. Не выглядели эти люди преступниками. Одежда у всех деревенская, лапти, тужурки да армяки и тому подобная одежда. Криминальный элемент, по его мнению, должен выглядеть несколько получше, если это только не совсем какие-то пропащие душегубы что за стакан бормотухи замочить могут.

Почувствовав уверенность, Андрей спросил:

- Где тут свободное место?
- Где видишь свободное место, там и свободно... – произнес мужик неопределенного возраста, но сразу стало ясно, что в авторитете в этой группе сидельцев.

Из-за бород и усов вообще трудно было понять кому сколько лет, в равной степени могло оказаться как тридцать, так и пятьдесят, а все из-за ускоренного старения людей в эти времена. Да даже в середине двадцатого века пятидесятилетние уже выглядели развалинами, это уже в двадцать первом веке «полтинники» выглядели моложавыми живчиками особенно если спортом занимались и вредными привычками не страдали.

Еще градов приметил, что некоторые возрастные мужики

сидят рядом с молодыми парнями. Невольно мелькнувшие мысли о всяких непотребствах были сразу отброшены, потому как в следующий момент он отметил явное сходство во внешности таких парочек, что позволило сделать вывод, что это близкие родственники.

– Ага...

Градов устроился подальше от мерзко воняющей параша, что представляла собой деревянную кадку литров на тридцать с веревочными петлями для переноски. Хорошо хоть крышка имелась. Стояла она по правую сторону от двери, а по левую находилось большое ведро с водой и деревянным ковшом.

Пол оказался каменным, всю солому подгребли под себя старожилы и никто ею делиться с новеньким собратом по несчастью явно не собирался. С конфликта из-за старой подстилки начинать было глупо, потому Андрей снял лапти и уселся на них опершись спиной о стену.

– За что повязали вас мужики? – спросил он, будучи уверенным, что кто-то да ответит.

Во-первых, всегда найдется балабол, кому будет в радость зацепиться языками с новеньким, есть такая категория людей, что молчать не могут, по крайней мере долго. А во-вторых, скучно должно быть людям, а тут какое-никакое развлечение.

Ответил, как ни странно, тот самый мужик-авторитет:

– Сам-то за что попал сюда?

– Беглый я.

– И чего бежал?

Градов решил немного скорректировать свою легенду и посмотреть, как она зайдет обществу, прежде чем втюхивать ее властям. А то старая версия слишком простая, его просто попробуют вернуть «владельцу», а с новой можно было рассчитывать на сочувствие и даже содействие.

– Дворовый бастард старого барина Виноградова. Услаждал его слух игрой на разных инструментах, да пел...

– То-то рожа у тебя гладкая... – произнес кто-то с усмешкой.

– Цыть! И что дальше?

– Так помре батюшка намерен, а его сыну я сразу не угодил. Да еще с молодой женой он приехал в поместье, ну и сами понимаете... взревновал меня мой братец...

– Так уж и без причины?

– Как есть без причины! Вот те крест! – перекрестился Андрей. – Ну не считать же за таковую то, что его жене моя игра и пение по нраву пришлось?

– Сначала пение, а потом и... – прозвучало предположение глумливым тоном.

– Цыть! Ты продолжай...

– По трезвому-то еще ничего, только зыркает зло, да гадости говорит – на конюшне все обещал запороть, еще ударить норовит, а как напьется, так просто спасу от него нет, драться лезет.

– И часто порол?

– Ни разу. Один раз дворовые уже схватили и повели, а хозяйка скандал устроила. Оно вроде, как и спина, да как петть при этом и играть? А она музыку очень любит, сама часто на клавесине играет... с собой этот инструмент из столицы привезла.

– Понятно...

– Уж не знаю в чем там дело... может по мужской части что не так... по крайней мере я не понимаю, как при такой молодой и красивой жене столько пить, вместо того, чтобы... наследников делать...

– Гы-гы-гы, – глухо засмеялись окружающие.

– А тут недавно напился до совсем уж невменяемого состояния... я как раз новые любовные романсы что в столице нынче популярны стали спел, да за шпагу схватился и начал за мной по всему поместью гоняться. В общем понял я, что проткнет он меня своей пырялкой и подался в бега. Так он за мной самую настоящую загонную охоту устроил из ружья да пистолей по мне палил, и чтобы не быть подстреленным, пришлось в болота уходить. Чуть не сгинул там... как выбрался, меня местные мужики словили. Вот и сдали властям.

– Да уж...

Градов осторожно осмотрелся и понял, что его история недоверия не вызвала, как впрочем и особого сочувствия.

«Видать обычное дело, – подумал он, – ну или не выпадает за рамки возможного».

– Ну а вы тут по каким грехам сидите? Бунтовали, что всех скопом повязали?

– Нет за нами грехов... рекрутские мы...

– А не староват ты для рекрута, дядя? – удивился Градов. – Да и остальные тоже большей частью...

– Так меня и много кого еще при прежней императрице в рекруты определили, да только не попали мы в армию...

– Почему?

– Разобрали нас по своим имениям разные князья да сановники и в свои крепостные определили.

– Ого! Вот так просто взяли и забрали?!

– Может и не просто... может записали нас в помершие или сбежавшие... Обычное дело.

– Что именно обычное? – не понял Андрей. – То что рекрутские наборы разворовывали и армия без солдат оставалась или то, что по пути умирали и бежали.

Многие на это невесело усмехнулись и авторитет кивнул, подтверждая:

– И то, и другое, барчук. В лучшем случае до полков доходила половина из забранных в рекруты. Остальные кто в пути помирал, кто бежал, а кого продавали.

Градов только головой покачал в изумлении.

– А теперь что же? Вскрылась правда со злодеяниями сановников?

– Да... как Павел Петрович на престол взошел в прошлом году, так повелел всех нас из тех, кого разворовали, вернуть

в армию... Кто сам уже не способен, так вместо себя сынов выставили... – кивнул он в сторону кучки из дюжины молодых парней, что держались наособицу.

Градов же для себя вычленил, что сейчас на престоле один из самых неоднозначных императоров России – Павел Первый.

«Коего золотой табакеркой прихлопнут английские агенты влияния и просто наймиты, – подумал он. – Так... в прошлом годе на престол взошел... а случилось это... нет не помню... грохнут его в тысяча восемьсот первом...»

Андрей слышал в свое время мысль, что он, при всей своей взбалмошности и непоследовательности, мог быть стать одним из лучших правителей, но он даже мысли не допустил бежать и спасти императора, открывая ему глаза на предателей в ближайшем окружении вроде тех же Панина с Паленым, даже если удастся вырваться из своей передраги.

Кто он такой для императора? Да никто. Пыль. Его слова – пустой звук. На дыбу в Тайный приказ отправят и будут долго пытаться.

Писать письма? Не дойдут даже до адресата. А если и дойдут, то опять же не поверит.

'Зачистить основных фигурантов самому? – мелькнула мысль. – Так это только отсрочит неизбежный конец – англичане через год-два найдут других исполнителей. Очень уж многим Павел ноги оттоптал, ведь он, вот ведь погань какая, дворянство служить заставляет! Да и вообще прижал

высшее сословие, вон тех же ранее разворованных рекрутов вернуть заставил. Так что смерть императора неизбежна, не простят ему посягательств на свои свободы. Чтобы выжить он должен был собрать преданную лично ему команду, чья жизнь будет зависеть от жизни лидера и потеряют все с его смертью. Ну и вести себя надо все же чуть вменяемей и не клепать пачками совсем уж идиотские законы что даже регламентируют какую одежду носить или не носить...

– Ты я вижу сам с сыном. Да и не ты один такой.

– Верно подметил. Помимо того, что прежних рекрутов обратно в армию отправили, провели набор по новому рекрутскому набору. А мы ведь за эти годы семьями успели обзавестись да детьми... вот и выпало моему Емельке служить. Мне-то что... осталось пять лет отслужить, глядишь, даст Господь и минует меня чаша горькая если доведется на войне побывать, и вернусь к семье живым и здоровым, не успеют еще забыть, ибо повелел император зачислить нам года, что пребывали мы в холопах в счет службы, а вот сыну полный срок придется отслужить – двадцать пять лет...

Мужик тяжело вздохнул, а его сын – Емельян сидел понурив голову.

Андрей невольно присвистнул.

– В каземате-то чего сидите, раз рекруты?

– Чтобы не разбежались...

– Нет, я в том смысле, почему к месту несения службы не идете?

- Ждем подхода еще рекрутских наборов из других уездов... и потом уже нас всех вместе поведут куда предписано.
- Понятно... И давно сидите?
- Третий день...

Рекруты затянули протяжную песню из серии «этот стон у нас песней зовется», а Андрей вдруг подумал, что тот, кому он начнет впаривать свою легенду может хорошо знать Виноградовых и его история, шитая белыми нитками, с оглушающим треском разойдется по швам.

«И что тогда?» – забеспокоился он.

Градов начал лихорадочно размышлять в попытке придумать новую легенду, что удовлетворит местных полицейских следователей, как бы они нынче ни назывались, но ничего толкового придумать так и не смог.

«Что же, остается надеяться на лучшее, – подумал он в конечном итоге. – Что следак не знает Виноградовых и не поинтересуется деталями, а также окажется достаточно участливым для того, чтобы... что?»

Андрей снова пригорюнился. Ведь даже если все пойдет по наилучшему для него сценарию то, что могут сделать власти в его отношении? Отпустить на свободу? В такой вариант он не верил. Это было просто невозможно.

«Ладно, буду разбираться по ходу дела», – решил он в итоге.

За крохотным мутным окошком окончательно стемнело, другого источника света в каземате не имелось и сходяв до параша и справив малую нужду, Андрей, как и прочие, по-

старавшись выбросить все тревожные мысли из головы, постарался уснуть. Это удалось ему на удивление легко – сказывались предыдущие две бессонные ночи.

Проснулся от лязга засова и скрипа открываемой двери. В камеру заглянул тюремщик облаченный почему-то еще в фартук.

– Ты и ты, – показал он на ближайших сидельцев. – Выносите поганое ведро, а ты – бери для воды.

Спорить никто не стал и вскоре эта троица вернулась с пустой парашей и полным ведром с водой.

– А как тут с кормежкой? – поинтересовался Градов, почувствовав, как стало подводить живот.

До сего момента питался он не сильно обильно, так что неудивительно, что начались болезненные спазмы.

– Скоро должны принести...

И правда, где-то через час, вновь раздался лязг засова и скрипнула дверь. Пара солдат, если судить по форме занесли в камеру деревянное ведро, а на крышку положили старую сумку из парусины.

«Ну хоть не в корыте», – невольно подумал Андрей, увидев «хрючево».

Это даже баландой было сложно назвать. Явно какие-то очистки, скорее всего от репы, и прочая продуктовая не кондиция: капустные листья, свекольная ботва, еще что-то. Кто-то явно сэкономил в пользу своего кармана. По консистенции – жиденький супчик. По факту одна вода. Но голод не тет-

ка...

В сумке оказались сухари.

Все как по команде и волшебным образом откуда-то достали деревянные ложки. А вот у Андрея такого девайса не оказалось.

– Люди добрые, а ни у кого запасной ложки нет?

– А твоя ж где?

– Да как-то не до ложки мне было, когда от барина убегал...

– Ну да... Остап! У тебя вроде есть лишняя. Дай человеку... видишь какая у него беда.

– Держи.

– Благодарю...

– Ишь... благо он дарит... – усмехнулся благодетель. – Барчук.

Ели по очереди, предварительно прочитав молитву.

Андрей невольно морщился от вкуса жвачки. По сути, пустая вода, слегка подкрашенная свеклой, листики которой, вместе с капустными обрывками иногда попадали в ложку.

– Что, непривычно после барской еды?! – глухо засмеялся один из мужиков.

– Да уж это определенно не шедевр кулинарии... Хоть бы картошки положили...

– Картоплю?

– Ну да...

– Чертово яблоко! – с неожиданным ожесточением вос-

кликнул мужик.

– С чего вдруг? – удивился Андрей, припомнив, что картофель очень уж трудно завоевывал себе место в пищевой корзине крестьян.

Даже бунты были. Правда он в упор не понимал с чего к картошке возник такой негатив. Никогда, собственно, не интересовался.

– А с того! Кто это чертово яблоко съест тот холерой заболит!

– Что за бред?.. – изумился Градов.

– Верно! – сказал другой. – Кто вкусит этот плод тот померет в мучениях!

– Да с чего вы взяли?!

Мужики загомонили.

– Да, верно говорит! – вступил в разговор молодой парень. – У нас барин хотел эту пакость нечестивую выращивать, так место занимает много, а урожай никчемный был. Яблоки те зеленые с редиску размером и вкуса отвратного, а кто съел тот помер... Лучше бы ржи посадили или брюкву... а то от плодов этих дьявольских сколько померло, а потом еще из-за голода не меньше, потому как землю под эту мерзость использовали вместо того, чтобы привычную пищу вырастить!

– Стойте... – произнес Андрей, осененный догадкой. – А вы что ели? То, что на кусте выросло? Или из земли выкопали?

– То, что на кусте выросло знамо дело!

– Вы что, совсем идиоты?! – воскликнул Градов натурально схватившись за голову. – Надо то, что в земле выросло есть!

– Ты кого идиотом назвал, ублюдок?! – полез в драку парень.

– А ну ша! – прикрикнул авторитетный мужик. – У нас трапеза! Не дело во время вкушения еды драться! Уймитесь! Угомонись Данила и ты... тоже не заносись! И про картоплю эту нечестивую больше ни слова!

Конфликтную ситуацию удалось замять, тем более что все хотели есть, так что действительно не до драки и разговоров.

Градов только изумлялся и это еще мягко сказано.

«Впрочем власти тоже хороши, не могли нормальную разъяснительную работу провести о том, что есть, как есть, – подумал он. – Наверняка еще и о том, как выращивать крестьянам не сказали, когда сажать, когда убирать... А те у кого что все же что-то получилось и знал, от урожая были не в восторге. Наверняка сажали густо, земли ведь пахотной мало, вот и сэкономили площадь, да еще не окучивали. А то и того хлеще – посадили на каких-нибудь неудобьях, где вместо нормальной земли одна глина, как результат там вместо нормальных клубней выросли плоды меньше шарика для пинг-понга... частью зеленые, что тоже не полезно и могло вызвать отравление даже если приготовить по уму. Да и этот урожай толком сохранить не смогли. Тоже ведь надо знать

и уметь...»

– О! Гуща пошла!

На дне ведра, когда выхлебали всю воду, Андрей увидел немного плохо разваренного зерна: пшеницы, овса, ржи вперемежку с очистками от брюквы и все той же свеклы, а так же лука.

Сухари при этом никто не ел, хоть и разобрали, но спрятали за пазуху завернув в тряпицы. Андрей понял, что это на перекус в середине дня, что называется – заморить червячка, когда завтрак уже рассосется, а до ужина еще ждать и ждать, а голод уже кишки скребет. Кормили тут как он узнал два раза в день, утром и вечером часов в шесть-семь.

После еды начались какие-то разговоры, что в конечном итоге вновь закончились протяжной и тоскливой песней от которой хотелось лезть на стену. Но и предложить альтернативу, как конь Юлий из одного мультфильма про трех богатырей он не мог. Точнее мог, но просто не хотел.

Градов ожидал, что его практически сразу поведут к дознавателю, рабочий день явно начался, но время шло, а им никто не интересовался. Вот уж полдень прошел... Андрей весь извелся от неизвестности, снова пытался придумать более правдивую и не противоречивую легенду, но впустую.

Вновь лязгнул засов, Андрей аж вздрогнул, но это лишь стража пришла вновь сводить кого-нибудь за водой. Жаждой рекрутов хотя бы не мучали. А пили они много, но не столько от жажды, сколько для того, чтобы заглушить подступающий

голод.

Но сколько воды не пей, а кишки долго обманывать не получится и вот в ход пошла заначка. Сухари ели медленно и вдумчиво, не то растягивая сомнительное удовольствие, не то вновь какой-то тактический прием по обману нутра.

Андрей подобным опытом и выдержкой не обладал, поэтому свой сухарь съел в один момент, когда мужики вокруг лишь глотали первый откусанный и пережеванный кусочек.

На зубах при этом что-то противно скрипело.

«Блин... сейчас ведь на каменных жерновах зерно мелют, вот и песок с мукой от этих камней попадает в хлебобулочные изделия, – догадался Градов. – Так эмаль всю к чертям недолго сточить и без зубов остаться. Этот хлеб либо вообще есть нельзя, либо надо глотать не жуя. То-то мужики сухари фактически рассасывают, а не жуют – зубы походу берегут. Умные...»

И опять лязг засова резанул по ушам. На этот раз пришли за ним.

– Эй ты, новенький! Давай на выход! И пошевеливайся! Его благородие ждать не любит. Мигом плетей пропишет для быстроты, – засмеялся тюремщик.

«Не повезло», – с тоской подумал Андрей Градов стоило ему только увидеть того, к кому его привели.

Перед ним за столом сидел молодой парень с тонкими чертами лица, что выдавали в нем капризную и много о себе мнящую натуру. В довершение ко всему выглядел он помятым и перегар чувствовался даже за три метра несмотря на попытки скрыть сей факт обильным обливанием духами. Видно, что ночь он провел «весело», скорее всего за игрой в карты и по хмурому виду и поджатым губам можно понять, что выигрышем там не пахло.

Вспомнилось правда, что при Павле Первом «гулять» ночью было строго запрещено. И это не чудачество, как можно подумать с первого взгляда, а попытка заставить знать, особенно служивую часть, вовремя приходить на свою работу если служили в гражданском секторе, ну и то же относилось к военным – чтобы были в расположении и тащили службу, а не спали до обеда, а потом ходили квелие до вечера, дабы потом снова пуститься во все тяжкие.

Но то в Петербурге. Там может эти правила вынужденно исполнялись, а здесь в провинции жизнь текла по старым порядкам, к коим привыкли за время «бабьего века». Так что еще хорошо, что этот щеголь вообще явился на службу, хотя откровенно манкировать своими обязанностями видимо

не рисковали даже в провинциях. Всегда ведь может найтись доброхот, что дабы освободить местечко для себя, настучит в вышестоящие инстанции, а то и самому императору, а Павел Первый на расправу быстр и крут. Мигом в Сибирь отправишься.

«Такой помогать по доброте душевной точно не станет», — мелькнула новая мысль.

Сесть посетителю, конечно, не предложили. Пришлось стоять, причем у самой двери, дабы не оскорблять обоняние его благородия своими миазмами.

— Ну... рассказывай, кто ты таков есть и почто сбег от своего хозяина.

Андрей начал излагать свою легенду внимательно отслеживая реакцию молодого полицейского, но что-либо понять оказалось сложно, но радовало уже то, что он не обвиняет во вранье и не сыплет угрозами наказать за это, а значит все шло относительно хорошо.

То ли молодой полицейский не сильно хорошо знал Виноградовых, не то все сказанное счастливым образом укладывалось в реальность.

— ... Потому прошу вас, ваше благородие, помогите мне, не дайте сгинуть! — воскликнул Градов и даже бухнулся на колени для пущей достоверности. — Всю оставшуюся жизнь за вас молиться буду и свечи в благодарность ставить! Заступитесь, ваше благородие! Сгубит ведь он меня! Хоть в рекруты меня запишите!

От последнего экспромта сам Градов удивился.

«Хотя... не такой уж и плохой вариант, – подумалось ему в следующий момент. – Дезертировать при случае большого труда не составит, особенно если удастся попасть в поход под командованием Суворова, где-нибудь в Италии... или еще раньше...»

– Заткнись! – поморщился полицейский и дотронулся руками до висков, чуть помассировал их. – Ясно все с тобой...

После короткой паузы лицо у полицейского разгладилось, словно он что-то придумал и обратившись к конвоиру, что стоял подле Градова, спросил:

– Малый каземат свободен?

– Так точно, ваше благородие!

– Помести его туда. Неча беглому с рекрутами сидеть.

– Слушаюсь!

Полицейский пренебрежительно махнул ладонью, дескать проваливайте и Андрея отвели обратно в полуподвал поместив в отдельную камеру размером три на два метра. Тут условия оказались получше, имелась лавка а-ля койка и даже столик. Похоже сюда помещали публику почище и выше статусом. Вот только улучшения условия содержания Градову не принесло ни малейшей радости, потому как ему не осталось ничего другого как тупо ждать решения своей судьбы без малейшей возможности как-то вмешаться и скорректировать оное.

Ужин, а он оказался тоже получше тех помоев, что корми-

ли рекрутов: гречневая каша кою подали в отдельной глиняной миске с куском хлеба и кружкой отвара, так же не улучшило настроения.

«Что же он придумал на счет меня?» – билась в голове Градова тревожная мысль.

Но что-то ему подсказывало, что ничего хорошего.

– А ведь я, если подумать и все правильно сделать, нужным образом оформив бумаги – ресурс, и весьма не дешевый, – с ужасом осознал Андрей. – Эта сволочь меня может просто продать...

Еще больший ужас он испытал, поняв куда и кому его могут продать. Точно не в качестве обычного пахаря простому помещику.

– Сбегу... раз уже сбежал и значит могу доставить продавцу и покупателю проблемы. Значит продадут туда откуда сбежать уже не получится. Куда? Да на те же уральские заводы... там людей вечно не хватает. Засунут в самую глубокую шахту и все, больше света белого ее увижу.

Утром еда тоже оказалась нормальной, тоже каша, но на этот раз перловая.

Во второй половине дня во дворе раздался гомон и Андрей, встав на стол, приткнувшись к окошку под потолком, увидев расположившихся там в количестве двух десятков мужиков оказавшихся скованными кандалами.

– Каторжники что ли?

Но что-то с ними было не так. Градов только спустя мину-

ту наблюдения понял, что все мужики молодые лет двадцати, все на вид здоровые, нет ни горбатых, хромых, косых и прочих дефектных. Если бы вели каторжников, то тогда оказались бы всякие-разные, как по возрасту, так и здоровью.

Парни поели тем, что принесли им в ведре, и тут во двор вывели его знакомцев, коих тоже на походной наковальне начали сковывать и крепить к общей цепи. Точнее по десятку на одну цепь.

– Понятно... чтобы не разбежались по дороге. Только кто не хочет служить все равно сбегут при первом же удобном случае...

Градов знал (об этом никто особо не любили говорить), что русская армия несла в заграничных походах большие потери именно дезертирами, что были сопоставимы с боевыми и санитарными потерями вместе взятыми. На чужбине образовывались целые поселения из таких бегунков. Сколько в той же Франции сбежало после взятия Парижа в Отечественной войне... Говорят, что заселили целый район этого Парижа, ну или его предместье.

Самоубийств опять же было много. От жизненной бесперспективности и тяжести службы. В общем не все выдерживали.

И людей понять можно. Никому не охота быть «механизмом к ружью приставленным», да еще убить могут, или что еще хуже – покалечить и потом, если выживешь, влечить жалкое существование без руки или ноги сидя на паперти у

церкви.

Но с нелегкой солдатской судьбы Андрей переключился на свою насквозь неясную.

Вдруг в неурочный час лязгнул засов и открылась дверь.

– Выходи давай... а то ишь, развалился как барин какой.

– К-куда? – спросил Градов невольно дрогнувшим голо-
сом.

– На кудыкину гору! А ну выходи давай! А не то сам вы-
тащу да пропишу пару тумачков для вразумления!

Ерепениться Градов не стал – смысла нет. Все равно вы-
тащат и побьют.

Его отконвоировали к черному ходу, где уже находился
давешний полицейский, но он был не один, а стоял в кампа-
нии из трех типов подозрительной, если не сказать сильнее
– бандитской наружности.

– Вот, доставил, ваше благородие!

– Вижу... – кивнул полицейских и обратился к троице: –
Вот он, беглый от вашего хозяина... Забирайте.

«Все-таки продал, сука!» – зло подумал Градов.

И не успел Градов что-то сказать, как его схватили за ши-
ворот и подтолкнули к троице, а те его подхватив, ловко свя-
зали по рукам и ногам и в их действиях явно чувствовался
немалый опыт подобного «пеленания». После чего его под-
хватили под руки и буквально вынесли за пределы двора гос-
учреждения.

За оградой стояла телега, на которую Андрея и швырнули

точно мешок с картошкой.

– Лежи тихо и не дергайся, а иначе враз по голове получишь, – сказал старший из этой бандитской троицы и показал кожаный мешочек. – Там песок со свинцовой дробью, так что памяти лишишься враз. Только потом еще и страдать будешь долго, блевать и глаза в кучу не соберешь, ха-ха!

«Ну да, устроит мне тяжелое сотрясение мозга, – понял Андрей. – А оно мне совсем ни к чему...»

– Понял ли? Или на деле продемонстрировать для большей понятливости?

– Понял...

– То-то же. И если в дороге доставишь неудобства какие – пеняй на себя.

Старший лихо вскочил на коня, так что Андрей почему-то подумал о том, что он казак, второй бандит сел на «водительское» место, а третий расположился рядом с Градовым для плотного контроля пленника.

Ехали все теми же задними дворами, стараясь не мелькать на улицах и в эти моменты «контролер», зло ему шептал:

– Только пикни...

Никто на них особо внимание не обращал несмотря на то, что один из пассажиров был связан. Видно, что это дело если не привычное, то известное и ни у кого вопросов не вызывало. Ну да, крестьяне бегут, их ловят, такие вот охотники за головами и возвращают обратно. Проза жизни.

Выехали за город, потом долго ехали, да только не доеха-

ли. Пришлось ночевать в поле, но хоть поесть нормально дали. По утру снова отправились в путь и лишь к обеду наконец оказались в точке назначения – каком-то поместье при деревеньке из десятка изб.

– Прибыли.

Андрея сдернули с телеги и отвели в поместье с которым было явно что-то не то. Не выглядело оно сильно обжитым. Впрочем, удивляться этому оказалось нечего, ибо как вскоре выяснилось, предназначалось оно не для жизни помещика и даже не управляющего, а для содержания пленников.

Пленника провели в подвальное помещение, настоящие казематы, что не ожидаешь увидеть под довольно ветхо выглядящем деревянным домом. Сняв с него путы, Градова толкнули в каменную камеру три на два метра, коих как он успел заметить, тут насчитывалось с дюжину, и в которой даже окна не оказалось.

Дверь за ним захлопнулась с глухим стуком, и он оказался в крошечной темноте.

– Вот это я попал, так попал... – выдохнул Андрей, в полной мере осознав в какие по-настоящему крупные неприятности угодил.

В нос дохнуло сыростью и запахом плесени, а еще нечистотами, но оно и понятно – ведро в которое предназначалось гадить стоит без крышки, так что запахи вообще ничем не блокируются. А из-за полной темноты так и мимо часто делали... в общем воняло просто зверски. Но человек такое существо, что быстро ко всему привыкает, ну почти ко всему, по крайней мере через полчаса Градов перестал воспринимать запах нечистот.

Делать было нечего, и Андрей улегся на нары, ему не оставалось ничего другого, как ждать и надеяться на то, что подвернется случай сбежать.

«Одно плохо, эти ребята в данном бизнесе уже давно, так что наверняка не одну собаку съели на том, чтобы никто не смог сделать ноги. Маршруты отработаны, кто надо – прикормлен, чтобы не задавали лишних вопросов и не мешали. Даже ложку отобрали, чтобы мог использовать как оружие», – с тоской подумал Градов.

– Нет... не впадать в уныние... нужно искать варианты... ведь кто ищет, тот найдет...

Андрей вскочил с лежанки и начал обследовать камеру, но ничего не нашел – стены голые, кирпич шершавый и влажный, на удивление качественный, так что не крошился и даже раствор оказался крепким, так что уподобится графу

Монте-Кристо и вытащить кирпич ему было не суждено, по крайней мере в достаточно близкой перспективе. А то, что он в этой камере надолго не задержится Андрей был уверен. Покупатели такого живого товара как он наверняка имеются постоянные и, как сформируется достаточная группа, их поведут, потому как ради одного-двух вряд ли станут лишний раз дергаться. Вопрос в том, как быстро соберут нужное количество для перегона. Может осталось ждать день-два, может неделю, но вряд ли сильно дольше.

В общем дверь оказалась крепкой, возможно даже дубовой и подогнана очень плотно, если зазоры и имелись, то очень небольшие, в общем не просунуть ничего в щелочку, чтобы как-то убрать засов. Да и просовывать нечего.

Обследовал лежанку. Тут тоже ловить оказалось нечего. Сделали ее из половинок тонких стволиков, но хорошо обтесали, так что ничего отколупнуть не представлялось возможным.

– Разве что разломать... но это будет сразу заметно тем, кто за мной придет и заставит их сразу насторожиться... обшмонают и найдут.

Отчаяние начало захлестывать Андрея. То, что удастся сбежать по дороге он не верил. Система конвоирована отработана не то что за года и десятилетия, а за столетия.

«Нас не просто свяжут, скорее всего колодки какие нацепят или кандалы и тогда без вариантов, – размышлял Градов. – Так что единственный вариант, это решить все до то-

го, как меня обездвижат».

Но вариантов он не видел.

Видимо нервы сказались, а может время подошло избавиться от лишней жидкости, в общем он захотел сходить по малой нужде.

– Сволочи...

Андрей встал и начал на шаривать парашу ногой. Найти-то он это ведро – нашел, вот только не был уверен, что попадет в цель. Так-то и черт с этим, хоть на стену гадь, но неизвестно как к этому обстоятельству могли отнестись хозяева подземелья, могли ведь и наказать, то есть хорошенько побив. А потом еще и заставить все отмыть, причем не только свою камеру, но еще и прочие. Так что следовало проявить благоразумие.

Пришлось, подавляя брезгливость, взять ведро, поставить его на нары и только после этого сделать дело.

Подумалось, что ведро можно использовать как оружие, тяжелое ведь. Но отмел эту идею – как и в случае с нарами – заметят.

Кривясь от отвращения Градов обследовал досочки ведра на предмет возможного скола, но и тут его ждало разочарование. Только руки изгваздал в дерьме, пришлось их тщательно оттирать о штаны и возюкать по стене пальцами, чтобы собрать на них влагу и снова отчищать...

В темноте Андрей полностью потерял чувство времени, так что для него прошла целая вечность прежде чем дверь

снова открылась и камеру осветил сильно коптящий огонек сальной свечи, что показался ему ярче светодиодного фонарика, так что даже невольно отвернулся и прикрыл рукой глаза.

На пол бросили сухарь и поставили ковш с водой, так небрежно, что почти половина вылилась, а объем и без того был не сильно большим, примерно с половину литра.

– Уроды...

«В дверь тоже не пробиться навалившись всей массой да с разбега, – сделал вывод Градов, заметив, что уровень открытия двери ограничен толстой веревкой по центру. – Продуманные сволочи... Даже слишком».

Часть воды он потратил на то, чтобы отмыть пальцы, а потом стал размачивать сухарь и осторожно его есть, чтобы не попортить зубы каким-нибудь камешком.

Сухарь был небольшим, размером с ладонь, так что лишь приглушил голод. Сразу стало понятно, что тратиться на пленников в плане их пропитания, да еще в режиме ожидания, тут никто не собирается. Не помрет с голоду и ладно.

– Разве что в пути станут чуть лучше кормить, чтобы ноги могли переставлять и не падали от бессилия...

Кормили два раза в день, как по своим ощущениям определил Градов.

Андрей пытался придумать как ему выбраться из плена, но мозг уже долго не получавший нормальной богатой жирами и сахарами пищи почти не работал. Навалилась апа-

тия. Мысль, что можно попробовать что-то сделать, когда его поведут из камеры опорожнять парашу умерла, когда поганое ведро забрал какой-то горбатый юнец. Собственно он и приносил еду, забирал ковшик под присмотром надзирателя, Андрей рассмотрел здорового мужика в дверном проеме. Тот контролировал обстановку в одной руке держа жировую свечу, а в другой – кожаный мешочек с песком и свинцом, так что даже если получится выбить дверь, то просто получишь по голове и улетишь в nirvanу, это в лучшем случае.

Разжалобить своих тюремщиков Андрей даже не пытался не стал.

«Их наверняка молили о пощаде и не раз, только никому это не помогло, – подумал он. – Души их черствы... Грозить тоже бесполезно».

Так прошел день, потом второй. Андрей погрузился в оцепенение, выходя из него только для того, чтобы поесть, когда приносили еду, да справить нужду.

Хлопнула где-то соседняя дверь в подземелье.

– Опустите меня?! – послышался едва различимый голос очередного пленника.

Он бил несколько минут в дверь, но вскоре затих. Надзиратели даже не реагировали на его крики.

Видимо отсутствие активной мыслительной деятельности в плане поиска способа произвести побег привело к тому, что расход энергии сократился, как результат сработал эффект накопления и... Градов замер, почувствовав, что в го-

лове заворочалась какая-то идея. Вполне реалистичная.

– Монте-Кристо... Монте-Кристо... Монте-Кристо... – повторял он как заведенный, боясь упустить появившуюся мысль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.